

СОЦИ ДИГГЕР

ВЦИОМ

УЧАСТВУЮТ:

приглашенный редактор номера,
к. экон. н., руководитель направления
«Политическая экономия и региональное
развитие» Института экономической
политики им. Е. Т. Гайдара
Ирина Стародубровская

директор Информационно-
аналитического центра «Сова»*

Александр Верховский

профессор российского права
Университета Хельсинки

Марианна Муравьева

д. геогр. н., профессор
географического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

Наталья Зубаревич

и другие эксперты

1989

2022

ТЕМА ВЫПУСКА

РАДИКАЛИЗАЦИЯ. ПОЛЯРИЗАЦИЯ МНЕНИЙ И РАЗРЫВЫ В КОММУНИКАЦИИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово 3

Поляризация на фоне СВО

Зубаревич Н. В.

Последствия социальной и региональной поляризации 5

Макушева М. О.

«Конфликт и солидарность».

Как конфликт России и Украины проецируется на общественное мнение россиян 11

Антощук И. А.

Сторонники специальной военной операции в Украине: социальное окружение и стратегии общения 21

Кулешова А. В.

Поляризация взглядов по ключевым вопросам среди сторонников и противников СВО 30

Дубровский Д.

Специальные судебные эксперты — от защитников меньшинств до цензоров 35

Векторы радикализации

Стародубровская И. В.

Радикализация и конфликт (на примере Северного Кавказа) 37

Верховский А. М.

Факторы (де)радикализации русских националистов в 2000-е годы 45

Муравьева М.

Радикальный феминизм и конфликты 51

Вилейкис А. И.

Экологический радикализм: насилие ради общего блага? 59

ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ
«Радикализация.
Поляризация мнений
и разрывы в коммуникации»

СКАЧАТЬ

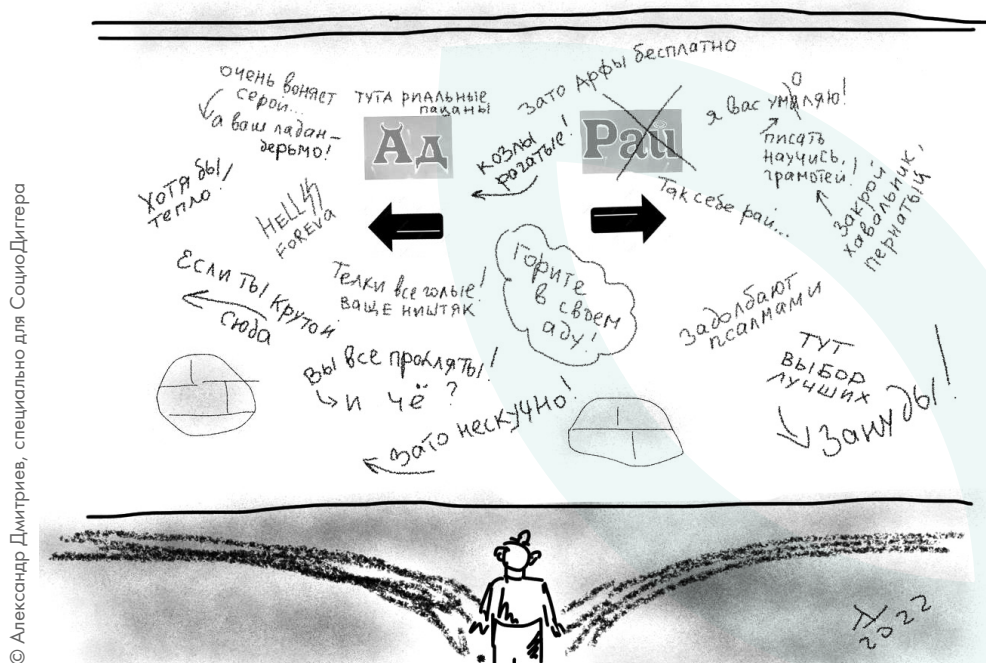
САЙТ СОЦИОДИГГЕРА.
ВСЕ ВЫПУСКИ

SOCIODIGGER.RU

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Неуютно стало буквально везде. Раскол идет за расколом, между родителями и детьми, мужьями и женами встает стена непонимания, что уж говорить о знакомых и друзьях... Даже сами среды общения с приятелями вдруг оказались под VPN, а конфликты в них стали жарче, чем обычно. Больше нет внятного консенсуса «лишь бы не было войны», да и вся окружающая действительность вызывает споры, делая привычные вещи сомнительными или даже нежелательными.

Все это заставляет искать новых своих, единомышленников, тех, кто окажется понятнее родственникам и ближе прежних друзей. Не у всех сохранилось чувство дома, даже если стены не менялись и место жизни осталось прежним, люди вокруг, их слова и поступки, перестали быть объяснимыми. Отсутствие разговоров на определенные темы больше не помогает... На работе среди коллег надо как-то отличить своих от остальных и не болтать лишнего. При этом все маниакально следят за повесткой, чтобы лучше донести убеждения до значимых чужих и подкрепить свою точку зрения.

Одновременно с этим — на той же территории, под тем же небом — в жизнях многих и многих людей идет подъем, повседневность и сводки новостей рожают новые смыслы и вдохновляют на подвиги. Россияне солидаризируются, сплачиваются и даже обретают оптимизм на фоне конфликта.

Как в такой ситуации выстраивать коммуникацию? Опыт каких других векторов радикализации может помочь выйти из тупика? Какие в принципе бывают последствия у радикализации? И может ли она привести к всеобщему благу? На эти и другие вопросы отвечают авторы выпуска.

Анна Кулешова,
главный редактор СоциоДиггера

P.S. Если вы готовы поделиться экспертизой и стать автором СоциоДиггера, пишите на kuleshova@wciom.com или nnsedova@wciom.com. С нас — данные!)

**ЗУБАРЕВИЧ
НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА**

доктор географических наук,
профессор географического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ¹

— Мы бы хотели поговорить о том, как социальная и региональная поляризация влияет на ситуацию в стране. Я знаю, что люди, умеющие анализировать цифры, доверяют в первую очередь картинке, полученной на основе статистических данных. Но хороший эксперт черпает очень много информации из воздуха, из разговоров, из ощущений. Мне кажется, это не менее важно. И я бы попросила, чтобы в нашем разговоре Вы опирались на оба аспекта своей экспертной квалификации — и на цифры, и на впечатления. Я бы начала разговор с самого общего вопроса. Про Россию обычно говорят, что это очень поляризованная страна, что в ней сильны региональные различия, социальные разрывы. Это так?

— Смотря в чем измерять, в каких ракурсах. Если брать доходные характеристики, то это так. Есть достаточно небольшая группа очень богатых людей, есть как-то зарабатывающий крупногородской образованный класс, есть жители нефтегазовых регионов — кусок страны, у которого с доходами неплохо. Конечно, это не средний класс по европейским представлениям, но по российским меркам — да, средний класс. Есть огромная масса между средними и бедными — это основная часть страны. И есть люди, которые просто выживают.

Так что по доходным характеристикам дифференциация огромная, но она совершенно не проецируется напрямую на ценности и политические представления. Среди богатых людей очень много тех, кто понимает, что их взаимодействие с государством критически важно, лояльность — прежде всего. Среди тех, кого мы искусственно, но все же называем средним классом, как минимум половина — это люди, зависящие от бюджета, начиная от силовиков, чиновников и заканчивая директорами школ, руководителями здравоохранения. Их лояльность беспредельна, они часто запрещают себе думать, правильно ли мы развиваемся и куда идем, в соответствии с логикой: у меня более или менее все в порядке, ну и нормально.

Больше половины населения живет между средним классом и бедными. Если денег немножко добавилось — хорошо, удастся съездить в Турцию или купить бюджетный

¹ Интервью с Натальей Зубаревич взяла Ирина Стародубровская специально для СоциоДиггера.

автомобиль. Это предел мечтаний. Нет рефлексии по поводу социальности, по поводу политичности — за ненадобностью. А с бедных грех что-либо спрашивать, они просто выживают.

С точки зрения географии — да, страна поляризована, но не по региональному разрезу. Это примитивизация, потому что в каждом регионе есть те же самые чиновники, есть как-то работающий бизнес. И есть бедные. Разница в доле этих бедных. Поэтому разложить страну: Тыва — это бедные, Москва — это богатые, так это не работает. Внутри каждого региона есть достаточно большая дифференциация. Как следствие, мы не можем выявить долю по-настоящему модернизированных людей, с современными ценностями. Вы городской житель, вы неплохо образованы, неплохо зарабатываете. Но если вы служите в бюджетном учреждении, ваши представления о реальности будут очень сильно подстраиваться под государственную норму, под то, как положено думать.

— Я правильно понимаю, что это результат большого объема нефтегазовых доходов? Струйки этих доходов самыми разными путями текут в разной степени, но все же ко всем слоям населения.

— В большей или меньшей степени. Страна, которая сильно зависит от бюджетной занятости, априори более лояльна текущему политическому режиму. Все-таки 15—16 миллионов бюджетников из 70 с небольшим миллионов занятых — это много. Еще стоит учесть 16 миллионов работающих в крупном бизнесе — у многих от Ростеха до Роснефти тоже очень велика зависимость от государства. Понятно, что «Лукойл» — частный, металлурги — частные. Но от того, как с ними ведет себя государство, тоже много чего зависит. Малый и средний бизнес — основа буржуазного среднего класса — это в основном ребята с простыми привычками, люди конкретные, чаще всего с буквой Z. Потому что так клево, потому что «мы крутые». Да, к нему пришел пожарный надзор, и «опять эти сволочи вымогают деньги». Но он в общем-то неплохо зарабатывает, да и вся страна у нас такая крутая. Когда есть очевидный недостаток образования и он дополняется комплексом постимперского синдрома, не надо ожидать от малого и среднего бизнеса большой социальной и политической вменяемости, не надо иллюзий. В нем очень значимая страта, поддерживающая ЛДПР.

А про бедных вообще не надо спрашивать. У них нет политических предпочтений. У них есть ощущение социального низа. И они готовы винить в этом ощущении кого угодно — власть, олигархов, Москву, только не себя. Себя виноватыми не признают: да, у меня плохое образование; да, я живу непонятно где, но виноваты все кроме меня. И вот этот набор комплексов, ограничений и зависимостей создает ту страну, в которой мы с вами имеем счастье жить.

— Как я понимаю, если кто-то этим бедным хоть немножко что-то даст: дополнительные деньги, дополнительные льготы или еще чего-то, — то они его и будут поддерживать.

— Любая подачка от государства воспринимается с благодарностью и одновременно с некоторым раздражением. А чего так мало-то? А чего один раз? А давайте еще! Поэтому государство как дойная корова, которая иногда дает молоко, очень приветствуется. Вы знаете, я на страну смотрю как-то очень философски. Людей с некоторой независимостью, автономностью зарабатывания и делания карьеры, автономностью

суждений, основанных на тех представлениях, которые для нас органичны, в России реально очень немного.

— *Когда-то Вы высказали интересную идею, которая позволяет как-то упорядочить территориальное разнообразие страны. Идею о четырех Россиях. Будьте добры, напомните нашим читателям, о чем идет речь.*

— Это разрез по иерархической системе расселения с некоторым отступлением. Есть крупногородская Россия — города-миллионники, полумиллионники, Москва, Питер. Только в миллионниках у нас живет 23 % населения. Была надежда, что это самая модернизированная, образованная часть страны. И, как правило, она двигает и меняет страну. Если добавить полумиллионники, то получается аж 31 %. Крупногородская страна самая модернизированная, особенно по структуре потребления, но в ней велика доля бюрократии, бюджетников и силовиков.

Вторая Россия — это средние, среднекрупные и среднемалые города. Часть из них — региональные центры. Но большинство нет. Это либо промышленные города, либо те, где промышленности уже осталось немного, люди заняты в бюджетной сфере и в малом бизнесе, они как-то крутятся. Эта часть страны сохранила большой запрос на государство. В индустриальных городах — чтобы сохранялись рабочие места и стабильная зарплата. В городах, утративших индустриальность, люди говорят: «А где наши заводы, фабрики, рабочие места, куда смотрит государство?». В общем, никуда это советское восприятие жизни не девалось.

Третья Россия — это периферия, малые города и села. Там уже ни на что не надеются и понимают, что деньги и рабочие места к ним не придут. Кормиться надо с земли. Компетенции, уровень образования минимальны. Соответственно, конкурентоспособность низкая. Живут со своей картошки и курей.

Из всей этой логики от крупнейших городов вниз к селам выпадает только четвертая Россия — это тоже периферия, но другая — менее развитые республики. Это периферия с еще очень молодым населением относительно старых российских областей, с сохранившимися клановыми и другими традиционными отношениями. Это периферия с более поздним стартом демографической и, шире, социальной модернизации. Из третьей России миграционный отток шел много десятилетий, ее население очень сильно постарело. А в четвертой России — нет. Там и рождают, и приличная мобильность есть в поисках работы — особенно на Северном Кавказе. Но это общество еще не вполне модернизировано. Вот так устроена страна. И меняться она будет с учетом, скажем так, различий уровня и образа жизни населения в иерархической системе поселений.

— *Страна сейчас выходит из одного кризиса, связанного с пандемией, и плавно перетекает в другой, связанный со специальной военной операцией и санкциями. Если посмотреть по каждой из четырех России — что изменилось и что еще будет меняться?*

— Сильнее всего ударит по живым индустриальным городам, потому что выжили те, кто включился в глобальную экономику. Или как поставщик сырья или полуфабрикатов — металлов, химической продукции и др. Или работающие на внутренний рынок технологически продвинутые обрабатывающие предприятия, которые смогли модер-

низироваться, используя западное оборудование и комплектующие. В кризис сильнее пострадают предприятия, включенные в глобальные цепочки добавленной стоимости, и города их локализации.

— Это кто конкретно?

— Их много. Магнитогорск, Череповец и другие города черной металлургии. Тихвин с вагоностроительным заводом. Верхняя Салда, где делают титановые заготовки для «Боинга». Верхняя Пышма и Тверь, где производятся современные поезда. Тобольск, где запущена четвертая очередь нефтегазохимического комплекса, производящего в основном экспортные продукты.

По первой России тоже ударит, но мы пока не очень понимаем, как сожмется сервисная экономика. Это будет зависеть от динамики доходов населения и от сдвигов структуры потребления. Но в крупных городах больше и разнообразнее рынок труда, есть альтернативы занятости — все же это не та ситуация, когда в промышленном городе встал завод из-за отсутствия комплектующих.

В третьей России ничего особо не изменится: упадут еще доходы, еще больше будет неформальной занятости. Но они так и жили — бедно. То есть качественных изменений не произойдет, только количественные.

Четвертая Россия — республики Северного Кавказа, Тыва. Бюджетная занятость никуда не денется, доходы бюджетов сохранятся, потому что эти регионы высокодотационные. Бизнес там в основном малый, он будет сильнее уходить в тень. Рост неформальной занятости — следствие всех санкционных кризисов, это доказано многочисленными научными исследованиями.

У санкционных кризисов есть три базовых направления: падение экономики (ВВП), снижение доходов населения и рост теневой занятости как адаптация к ухудшению ситуации. Все это и произойдет — это набор для всех. Но он будет проявляться сильнее или слабее в зависимости от того, в какой России вы живете. Понятно, что Москва не уйдет в тень, не получится. Но мы видим по майской динамике поступлений в бюджеты налога на доходы физических лиц (НДФЛ), что Чечня, Карачаево-Черкесия, Дагестан, Северная Осетия уже потихоньку двигаются в эту сторону. Снижение доходов у всех. Но у одних это были приличные доходы, а у других — еле наскребалось. И когда меня спрашивают, кому хуже, то я всегда говорю, что у меня нет критерия выбора, кому хуже: тем, кто теперь не сможет съездить на отдых в Турцию, нанять ребенку репетитора, или тем, кому не будет хватать на дополнительную пару ботинок. Не знаю.

— Подобная ситуация чревата какими-то новыми конфликтами, новыми противостояниями, обострением старых противоречий? Как она может повлиять на социальную ситуацию?

— Да пока особо никак. Первое и понятное — все объясняется просто: «они нам гадят», «они нас не любят». Это правда работает, так проще. Скинул ответственность на других за то, что тебе стало хуже. И тебе уже легче. Ты же ни в чем не виноват, это они нас не любят.

Второе. Контакты с глобальным миром будут ограничиваться. Для периферии, для промышленных городов это вообще ни о чем. Это проблема крупных городов — там

страдать будут больше, внутреннего недовольства будет больше. Но дальше кухню это не пойдет. А если будут вставать заводы, власть использует свои политические и силовые ресурсы, чтобы заставить бизнес как можно дольше держать работников на неполной занятости. А людям будут объяснять, что это все американцы, потерпите, мы ни в чем не виноваты. Поставок оборудования и комплектующих пока нет, но мы найдем другой вариант. И люди верят — ведь президент сказал, что все импортозаместим. Так им спокойнее.

— *И сколько они будут готовы терпеть?*

— А долго. Потому что форс-мажор. Мы ни в чем не виноваты. Это нам пытаются испортить жизнь. Мы будем бороться за живучесть.

— *Мне не очень понятно. Кто-то не может купить вторую пару ботинок. Где-то встают предприятия. И даже если где-то формально занятость будет сохраняться, то от этой формальной занятости кусок хлеба в рот точно не приплывет. Наверное, есть вероятность — мы можем обсудить такой сценарий, — что все-таки упадут бюджетные доходы.*

— Сейчас — нет.

— *Насколько сейчас?*

— До конца 2022 года. А дальше посмотрим.

— *То есть пока мы говорим про все это на очень коротком промежутке?*

— Говорим про 2022 год: проблемы у бюджетов регионов будут в IV квартале, когда с большой вероятностью сократится налог на прибыль. Но пока у региональных бюджетов все замечательно. У федерального будет дефицит к концу года, но терпимый. Потому что пока снижение объемов продаж нефти и газа полностью компенсируется гигантским ростом цен, налоговые поступления растут. Только если глобальная экономика будет входить в рецессию, это неизбежно будет сопровождаться падением цен на сырье и сырьевые товары. Если рецессии не будет, федеральный бюджет ущербов особо не заметит. В 2022 году, полагаю, все будет терпимо. А дальше увидим.

— *А если посмотреть хотя бы на среднесрочную перспективу?*

— А откуда я знаю? Мы с вами знаем, когда закончится спецоперация? Не знаем.

— *Санкции имеют собственную логику.*

— Они на годы. Но хотя бы сама спецоперация когда закончится? Если она закончится, все-таки будут нормализовываться логистические связи. Санкции никто не отменит — это я прекрасно понимаю. Еще вопрос — мы понимаем масштаб вложений в ту часть территорий соседней страны, которую наша власть считает необходимым присоединить и восстанавливать? Это же бешеные деньги. Поэтому дальше 2022 года я просто не загадываю, а в самом 2022 году ничего жесткого, страшного с точки зрения бюджетов произойти не должно.

— *А если мы поговорим о поколенческом аспекте? Когда в предыдущий период новые поколения вступали в жизнь, бюджетная занятость в самых разных вариациях — кто*

в «Газпром», кто в милицию, кто еще куда, — давала какие-то перспективы. Что будет сейчас? Что можно прогнозировать относительно возможностей продвижения для тех, кто сегодня вступает в жизнь?

— Да ничего страшного. Это очень маленькое поколение, оно гораздо меньше поколения 30-летних. Найдутся места уходящих на пенсию, а это очень большое поколение. Так что не было бы счастья, да несчастье помогло. Рожденные в 1990-х — да, они приходят на рынок труда в плохих условиях. Но, во-первых, их мало. Во-вторых, кризисы всегда снижают зарплатные ожидания, поэтому легче нанимать. Пока ничего катастрофического не вижу. Молодежная безработица повышена, но на фоне Франции, например, мы еще вполне себе орлы.

— То есть сейчас мы не можем говорить, что есть основания для серьезного нарастания конфликтного потенциала?

— Абсолютно нет. У значительной части молодежи неприятие происходящего, это мы знаем по всем опросам. У пожилых приятие — больше 80% поддерживают. Ну, бабушкам-то воевать не надо. У крупногородской молодежи еще более сложное отношение к происходящему. Но, окончив колледжи, университеты, они все будут искать работу, рабочие места. А потом рутина затянет, ипотека, дети, карьера. У меня нет особых иллюзий на сей предмет. Страну за счет смены поколений, на что мы, в общем-то, надеялись, быстро изменить вряд ли получится. Если наверху поменяется дизайн, это молодое поколение быстрее поддержит перемену. Но оно не будет драйвером перемен. В России всегда все было сверху, будет так и в следующий раз. Увы! Я так думаю, но могу и ошибаться.

**МАКУШЕВА
МАРИЯ ОЛЕГОВНА**

кандидат социологических наук,
генеральный директор ЦСП «Платформа»

«КОНФЛИКТ И СОЛИДАРНОСТЬ». КАК КОНФЛИКТ РОССИИ И УКРАИНЫ ПРОЕЦИРУЕТСЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ РОССИЯН

Теория конфликта говорит, что общий враг и агрессия сплачивают, укрепляют солидарность. Но если в обществе уже есть противоречия, то конфликт может расколоть его на группы, которые сплачиваются вокруг своих символов и флагов. После 24 февраля 2022 года в российском обществе есть обе линии: и солидаризация, сплочение, и раскол, рост интолерантности к другому.

Статья подготовлена по материалам **секции «Конфликт и солидарность»**, прошедшей в рамках XII Грушинской социологической конференции (23–27.05.2022; директор секции — М. О. Макушева)¹. Она носит в большей степени публицистический характер. Ее цель в том числе — зафиксировать ряд наблюдений и гипотез специалистов, которые еще предстоит проверить.

Материал затрагивает три вопроса:

- ⇒ Можно ли говорить о солидаризации российского общества в ситуации конфликта с Украиной? Что сегодня сплачивает людей?
- ⇒ По каким линиям проходит раскол? Что разделяет людей?
- ⇒ Какова динамика мнений, влияет ли что-то на изменение позиций?

¹ В дискуссии приняли участие: **Виноградов Михаил Юрьевич** — президент фонда «Петербургская политика»; **Возьмитель Андрей Андреевич** — д. с. н., главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; **Задорин Игорь Вениаминович (в репликах)** — к. с. н., заместитель директора Центра коммуникаций атомной отрасли по исследованиям, аналитике и работе с экспертным сообществом, научный руководитель Исследовательской группы ЦИРКОН; **Лисицин Дмитрий Владимирович** — культуролог, независимый исследователь; **Львов Степан Васильевич** — к. с. н., директор по стратегическому развитию ВЦИОМ; **Макушева Мария Олеговна (директор секции)** — к. с. н., генеральный директор ЦСП «Платформа», доцент факультета коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве РФ; **Нестик Тимофей Александрович** — д. психол. н., заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН; **Омельченко Елена Леонидовна** — д. с. н., директор центра молодежных исследований НИУ ВШЭ; **Савин Никита Юрьевич** — к. полит. н., доцент факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ; **Фирсов Алексей Владимирович** — основатель ЦСП «Платформа»; **Юдин Григорий Борисович** — к. филос. н., профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук.

Согласно данным различных исследовательских агентств и инициативных групп, доля поддерживающих решение о начале спецоперации колеблется в пределах 60—75 % опрошенных, тех, кто не поддерживает — 15—25 %.

Вокруг этих данных ведется широкая дискуссия — о валидности опросного метода в ситуации конфликта и корректных интерпретациях этих данных, об этичности исследований и (не)предвзятости исследователей.

Не абсолютизируя этих цифр, попробуем посмотреть на скрывающиеся за ними социальные эффекты, проявляющиеся в ситуации конфликта.

Эффект большинства и «императивная солидарность»

Сегодня по данным опросов ВЦИОМ можно заметить, что поддержка СВО доминирует в информационном контексте, в который погружена большая часть населения: 60 % опрошенных чаще слышат от окружающих их людей слова в поддержку спецоперации, 11 % — против; 58 % чаще всего видят поддержку операции в СМИ, интернете, соцсетях, 9 % — против.

Для человека характерно опасаться осуждения, изоляции — потому мы склонны присоединяться к доминирующей точке зрения. Человек с меньшей вероятностью выскажет свое мнение на ту или иную тему, если чувствует, что находится в меньшинстве.

Об этом эффекте говорили задолго до эпохи изучения общественного мнения: в 1856 г. Алексис де Токвиль в «Истории Французской революции» писал, что, боясь изоляции, люди присоединялись к большинству, даже не изменяя своих мыслей. Наиболее известный эффект из этой области — «спираль молчания». Согласно Элизабет Ноэль-Нойман, предложившей метафору «спирали», «все проявления общественного мнения объединяет их связь с угрозой изоляции для индивида. Там, где индивид не может свободно высказываться или поступать по собственному усмотрению, а должен учитывать воззрения своего окружения, чтобы не оказаться в изоляции, мы всегда имеем дело с проявлениями общественного мнения»². Исследовательница описывает ситуацию, сложившуюся в период студенческих волнений в Германии в конце 1960-х — начале 1970-х годов и натолкнувшую ее на описанную гипотезу. Сторонники СПГ (Социал-демократической партии Германии) и ХДС/ХСС (Христианско-демократического союза и Христианско-социального союза Германии) могли быть равны численно, но не одинаковы по энергии, воодушевлению, с которым они демонстрировали свои убеждения. Например, люди со значками СПГ были более заметны и создавали иллюзию доминирования. Тот, кто был убежден в правильности новой восточной политики (сторонники СПГ), чувствовал, что все одобряют его мысли. Потому еще громче выражал свою точку зрения. Те, кто отвергал новую восточную политику (сторонники ХДС), чувствовали себя в меньшинстве и отмалчивались. И так — как по спирали — одни становились силь-

² Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия: Весь Мир, 1996.

нее, другие исчезали из поля зрения³. Данную модель нельзя абсолютизировать, но эффект получил многократные подтверждения. И можно с уверенностью говорить, что он работает сегодня, причем сразу в двух «лагерях» конфликта — среди сторонников и среди противников. **Наша потребность избегать осуждения универсальна, но наше окружение — отличается.**

Конфликт накладывает отпечаток: повышается потребность чувствовать себя частью группы (этот эффект хорошо изучен в антропологии и эволюционной психологии, о нем пишет, например, Робин Данбар⁴). Чем больше внешней угрозы, тем сильнее потребность в принадлежности, согласии, чувстве опоры («я среди своих»).

Также часть исследователей, принимавших участие в дискуссии, говорит о трансформации российской политической системы и общества в ситуации конфликта. Если между обществом и государством ставится знак равенства, то от человека требуется полная солидарность с целями последнего по модели «не поддерживаешь государство — значит, ты против общества», что оказывает давление на каждого.

Временная перспектива конфликта

Лейтмотивом в разговоре специалистов проходит мысль, что как солидарные со спецоперацией, так и ее противники неоднородны, не составляют единой группы, а сама ситуация крайне подвижна. Солидаризацией мы называем объединение в моменте людей с разными мотивами. В динамике одни мотивы будут усиливаться, другие — угасать. Зафиксированными, вероятно, останутся только «ядерные» группы сторонников и противников.

Напряжение, ощущение принципиальности момента, драматизм, возникшие в момент начала конфликта, постепенно ослабевают. Границы первоначального раскола и ситуативной солидаризации меняются, конфликт рутинизируется, начинает восприниматься как картинка в телеэфире или телеграм-ленте, разговоры и обсуждения постепенно стихают и замещаются прежней бытовой жизнью, на первый план выходят прежние различия.

В острой фазе конфликта проявляется, в терминологии философа и политического теоретика Джоди Дин⁵, аффективная солидаризация на уровне чувств, симпатий, сопереживания. Она выражается, например, в лентах комментариев под роликами с фронта: «спасибо, мальчики», «мы с вами!» и так далее. Аффективная солидаризация непродолжительна, ей на смену должна приходиться солидаризация с целями и ценностями (конвенциональная). С ней картина более сложная — так как сложно и неоднородно общество. На сегодня общие, принимаемые большинством рациональные идеи о целях СВО пока не проявлены. На момент начала операции и в первые месяцы общественное мнение видело разные ее цели: защитить население ДНР и ЛНР, не дать Украине раз-

³ Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия: Весь Мир, 1996.

⁴ Bzdok D., Dunbar R. I. M. (2020) The Neurobiology of Social Distance. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 24. No. 5. P. 717–733. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.05.016>.

⁵ Dean J. (1995) Reflective Solidarity. *Constellations*. Vol. 2. No. 1. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1467-8675.1995.tb00023.x> (дата обращения: 01.08.2022)

местить военные базы НАТО и т. д. Риторика власти в ситуации конфликта трактуется по-разному. Говоря о солидарности и поддержке, важно более точно определить, с чем именно, с какими целями солидаризируются люди, что для них означают «денацификация и демилитаризация».

На Ваш взгляд, что должно стать результатом специальной военной операции России на Украине?

(закрытый вопрос, не более 5 ответов, в % от всех опрошенных, представлены топ-5 наиболее популярных ответов)

Также на солидаризацию и поляризацию влияют параллельно два фактора — ценностный и экономический. Наряду со «сплочением вокруг флага» и ростом нетерпимости к носителям иных политических взглядов общество переживает экономическую угрозу. Экономическая логика может вступать в конфликт с политической, опасения за экономическое благополучие может влиять на отношение к операции.

Поддержка власти и поддержка СВО

Поддержка военной операции оказывается тесно связана с поддержкой власти. Хотя выделяется определенная доля тех, кто симпатизирует президенту РФ и не поддерживает его решение о начале спецоперации, она невелика.

В большинстве случаев, если человек поддерживает президента, он поддерживает и операцию. Это в принципе характерно для общественного мнения в последние годы — часть общества могла критиковать власть по вопросам внутренней политики, но поддерживать внешнеполитический курс В. Путина.

Исследовательское агентство «Russian Field» приводит интересные данные. При ответе на вопрос о поддержке военной операции 68% склоняются к поддержке. При ответе на вопрос о поддержке продолжения операции или начале мирных переговоров за переговоры — 39% опрошенных. Но на вопрос «Если Владимир Путин завтра подпишет мирное соглашение и остановит военную операцию, Вы поддержите или нет такое решение?» 67% отвечают «поддержу».

В ситуации неопределенности, когда не вполне понятно влияние того или иного решения на жизнь человека, он склонен поддерживать или не поддерживать то, что ему уже знакомо, о чем он имеет представление. В данном случае — власти страны. Это позволяет предположить, что за поддержкой СВО (даже у людей, которые не вполне понимают цели спецоперации) во многом стоит доверие президенту.

Разное восприятие спецоперации

Со стороны критиков СВО часты отсылки к тому, что согласие с ней большинства свидетельствует о распаде морального консенсуса, который для российского общества долгое время выражался в формуле «лишь бы не было войны».

Однако участники дискуссии отмечают следующее: не вполне справедливо говорить, что люди, поддерживающие спецоперацию и выступающие против нее, говорят об одном и том же предмете, применяют свои моральные принципы к одному и тому же. Схожая ситуация наблюдалась во время первой и второй чеченских войн: во второй войне Ичкерия воспринималась как нападающая сторона, а Россия — как защищающаяся. Архивные данные, собранные в период первого и второго конфликтов, не вполне сопоставимы из-за разных формулировок вопросов, но тенденцию можно увидеть.

* Данные регулярных общероссийских опросов ВЦИОМ «Экспресс» и «Спутник».

Там, где одни сегодня видят наступательную операцию, другие — защиту от внешней агрессии (движение блока НАТО, потеря влияния на территориях, которые воспринимаются по идентичности как свои). При этом и те и другие могут сходиться во мнениях

относительно недопустимости развязывания военных конфликтов. Это также линия, по которой проходит раскол между сторонниками и противниками СВО.

Реакция на санкции и риторику противников

Ряд данных указывает на то, что российское общество болезненно воспринимает критику политики страны извне и санкции, в особенности в гуманитарной сфере: по данным ВЦИОМ, 90% опрошенных считают, что против России ведется информационная война, не поддерживает это мнение 4%. У россиян стало превалировать ощущение недоброжелательности к ним со стороны жителей стран Запада.

Как, по Вашему мнению, европейцы относятся к россиянам?*

Также, по данным опросов, большинство считает несправедливыми действия в отношении спортсменов — отстранение от участия в соревнованиях.

После начала Россией специальной военной операции в Украине некоторые международные спортивные организации отстранили российских спортсменов от участия в международных соревнованиях. Скажите, Вы знаете, что-то слышали об этом или слышите впервые?*

* Данные регулярных общероссийских опросов ВЦИОМ «Экспресс» и «Спутник».

Особенно важен вопрос о так называемом кэнселинге (отмене) русской культуры и случаях русофобии, о чем становилось известно из СМИ или личных контактов. Это формирует серьезные обиды. Исследователи отмечают, что в интервью конца 1990-х годов социологи уже фиксировали: чувство обиды способно формировать «обиженный патриотизм», усиливать сплоченность вокруг страны.

Эта повестка уже сегодня повлияла на позиции тех, кто изначально был критически настроен в отношении спецоперации. Часть критиков (сложно оценить эту долю количественно) если не солидаризировалась с российской властью, то как минимум перестала ощущать единство с Западом. В общественном мнении появился сюжет: «Запад показал свою непорядочность». Возникла обида на непоследовательность, где-то — на лицемерии прежних партнеров.

Дистанцирование и конфликт повседневности с экстраординарностью

В последние годы часто звучал тезис о социально-политической апатии российского общества — этим понятием публицисты характеризовали погруженность в повседневную жизнь и желание дистанцироваться от политики. После 24 февраля можно было ожидать «конца апатии», наступления новой реальности, которая вовлекает в себя всех.

На деле часть общества оказалась, по самоощущениям, в центре пожара. Люди продолжают жить в своей обыденности и ощущать противоречия между будничным фоном и новостными лентами, своими бытовыми проблемами и тем, что заботит других на фронте. Задается вопрос: *«Имеем ли мы на это право?»*.

Для части россиян конфликт остался телевизионной картинкой, репортажем в новостной ленте, которые живут лишь несколько часов после того, как гаснет экран. Часть стремится дистанцироваться от неопределенности, не формировать собственного отношения к происходящему, так как это серьезное испытание.

«Поуехавшие», «хорошие русские», отмена российской культуры.

Раскол среди противников

Параллельно с разделением на сторонников и противников в каждом из «лагерей» происходят внутренние расколы. Внутри городского образованного класса намечаются новые расколы, ищутся ответы и делается часто вынужденный выбор — оставаться или уезжать. Колебания этого класса, по меткому замечанию участника дискуссии, передаются всему обществу, находят отражение в бурных обсуждениях уехавших и оставшихся. Стоит отметить, что группа, для которой отношение к СВО стало моральным выбором, — это еще и наиболее медийно активная среда.

Уезжает меньшинство, большинство остается. Внутри групп происходят расколы, обсуждается правильность разных выборов. Отношение к военным действиям описывается в категориях этического выбора. Человека побуждают занять определенную позицию и заявить о ней. Отсутствие заявления равно безразличию.

Радикализация риторики внутри группы противников СВО, проведение внутренних делений, попытки «навязать» персональную ответственность и вину каждому застав-

ляют часть противников отстраняться. Они не солидаризируются с российской властью, но и не испытывают солидарности с лидерами протеста. Противоречия раскалывают и эмиграцию — ярким проявлением этого стала дискуссия о «хороших русских».

Подводный камень в дискуссии в антивоенном движении — определение «чужого», «врага». Оно приводит к необходимости ответить на вопрос об ответственном за начало конфликта. *Виноват ли в нем только Владимир Путин? Владимир Путин плюс члены Совета Безопасности, плюс все депутаты Государственной Думы, плюс Совет Федерации, плюс все госслужащие, плюс все граждане Российской Федерации?* В этом вопросе пока нет консенсуса. А без ответа невозможно полноценное объединение.

Конфликт поколений

Данные опросов показывают зависимость отношения к военной операции от возраста: чем моложе респонденты, тем чаще они выступают против СВО. Исследователи, работающие с молодежью, а также преподаватели в вузах, отмечают, что в первые недели заметили в среде молодых людей непонимание и страх — ощущение сбоя программы жизни, картины мира, представлений о себе и о стране. Молодые люди в ряде случаев сталкивались с серьезными внутрисемейными конфликтами.

На это влияет комплекс факторов. Один из них — меньшая погруженность молодых людей в тот контекст, к которому апеллируют сторонники. Например, по данным ВЦИОМ, около трети молодых людей не знают, что такое НАТО.

Молодежь — группа, наиболее интегрированная в международный контекст и наиболее остро переживающая разрыв связей и закрытие ряда возможностей — карьерных, образовательных, потребительских. Многие молодые люди оказались в ситуации, когда лидеры мнений, на которых они ориентировались, осуждают страну, из которой они не могут уехать. Это приводит к пересмотру идентичности. Возникает лакуна, вакуум героев.

Также показательно, что люди до 35 лет по данным опросов больше опасались санкций и ухода с рынка зарубежных брендов. Это не раз становилось предметом критики — молодежь описывалась как легкомысленная и ценящая потребление больше независимости. Однако стоит учесть, что молодые потребители остаются без знакомых с детства вещей и действительно могут быть напуганы или подавлены этой перспективой. При этом для них нет ценности потребительской независимости, а есть ценность конкуренции хороших идей и продуктов, рынка, на котором ты свободно можешь выбирать лучшее.

При этом молодежь неоднородна, эта среда переживает наиболее острые конфликты, групповые идентичности начинают фрагментироваться. Векторы, по которым проходят расколы, отличаются. Ранее это было отношение к мигрантам, новой этике, гендерным вопросам, меньшинствам. Сегодня отношение к СВО — главная точка раскола.

Защитные механизмы

На переживание текущего конфликта влияет предшествующий ему опыт пандемии. И нынешний конфликт, и предшествующий стресс заставляли нас переживать тревогу,

чувство утраты контроля, невозможности изменить ситуацию. Это создает ряд эффектов, связанных с психологической защитой. Один из них — рост значимости лояльности к своей группе. Другой — образ врага, и он эксплуатируется с обеих сторон конфликта.

Еще один механизм связан с ожиданиями от будущего. На фоне алармизма экономистов ряд исследований показывает сохранение или даже рост оптимизма населения в отношении будущего страны. Оптимизм в ситуации конфликта, по оценкам психологов, нужен для поддержания позитивной самооценки группы. И он сопряжен с поляризацией. Исследования института психологии РАН демонстрируют, что одними из главных предикторов оптимизма выступают доверие к президенту, лояльность к своей группе и идентификация со своей страной.

Этот оптимизм влияет на перспективы развития ситуации. Сегодня с конфликтом связаны надежды на то, что изменится общество, мы выстроим более эффективную экономику, новые отношения между гражданами и властью. Поддержка СВО для части общества выглядит как поддержка «драйва», изменений, призрака перемен, образа великой страны. Эти ожидания — как ответ на кризисную ситуацию — в дальнейшем важно оправдать.

* * *

Лейтмотивом в дискуссии проходит мысль о недопустимости поспешных генерализаций в ситуации, когда все быстро меняется. Это создает риски упрощения понимания реальности, научной мысли, социологии.

Проблему составляет также то, что социальная наука не свободна от ценностей — ни в фокусировках, ни в языке описания. Исследователи говорят о коммуникационном кризисе и замыкании различных сред, в том числе исследовательских, в контуре «своих», нежелании или невозможности полноценно реконструировать чужую позицию. Описание реальности легко переходит в оценку, научная дискуссия — в спор

⁶ N= 1729, онлайн-опрос, ИП РАН; 5—6 апреля 2022 г.

о ценностях. Остро стоит проблема поиска интонации, которая позволяет социологии остаться экспертным знанием, пространством гипотез, идей.

Положение дел в целом ставит вопрос об идентичности исследователя. Как быть исследователем, находясь в ситуации конфликта? Как интервьюировать человека, транслирующего отличные от твоих взгляды, и затем интерпретировать эти данные? Как быть объективным, анализируя разные позиции, когда считаешь выбор между ними этическим? Вряд ли в социальных науках возможно полностью безоценочное знание. Везде, где речь идет о социальных проблемах, мы имеем ценностный вектор, даем оценку явлению, институту: бедность — это плохо, нетерпимость — это плохо и т. д. Но если мы хотим понять логику, мотивацию другого человека в ситуации конфликта, вряд ли можно сделать это, осуждая и лишая его субъектности.

**АНТОЩУК
ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА**

аспирантка Амстердамского института социальных исследований (AISSR), Университет Амстердама

СТОРОННИКИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ В УКРАИНЕ: СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ И СТРАТЕГИИ ОБЩЕНИЯ

Специальная военная операция России в Украине стала причиной раскола в российском обществе. Многие поддерживают СВО, понимают ее причины и заявляют о ее необходимости, многие не одобряют спецоперацию и выступают за прекращение боевых действий. Фильм Андрея Лошака «Разрыв связи»¹ показал, что эти позиции оказываются принципиально значимыми, эмоционально насыщенными и удивительно непримиримыми, разделяя стеной непонимания даже самых близких и родных людей — родителей и детей, жен и мужей, братьев и сестер. Высказывается мнение, что российское общество близко к состоянию «ментальной гражданской войны» (А. Асмолов), которая характеризуется «невероятной агрессией» и ненавистью по отношению друг к другу за «разность взглядов» (Е. Гордеева)². Однако насколько эти представления соответствуют действительности и характеризуют повседневные взаимодействия россиян в ближайшем социальном окружении? Как сторонники и противники спецоперации сосуществуют в одном социальном пространстве, как они общаются друг с другом дома и на работе, в кругу друзей и знакомых? Сохраняются ли возможности для диалога и конструктивного обсуждения между людьми с разными позициями? Я ищу ответы на эти вопросы, рассматривая ближний круг и стратегии общения сторонников спецоперации. Текст основан на результатах тематического анализа качественных интервью с людьми, поддерживающими СВО России в Украине (49 информантов). Интервью были собраны в феврале — мае 2022 г. в рамках исследования Лаборатории публичной социологии³.

¹ URL: <https://youtu.be/5qmQs2LbnaE> (дата обращения: 30.07.2022).

² URL: <https://youtu.be/CL9bigv1hek> (44:30—45:00) (дата обращения: 30.07.2022).

³ Я благодарна Светлане Ерпылевой и Наталье Савельевой за ценные комментарии и редакторскую правку этого текста. Я благодарю коллег, кто принимал участие и собирал эмпирический материал для этого исследования. Спасибо также информантам, которые поговорили с нами и поделились своим мнением об СВО.

Ближайшее окружение сторонников: типология

Социальное окружение человека обычно включает в себя семью, друзей, знакомых, коллег, в ряде случаев — контакты из социальных сетей. Среди сторонников спецоперации можно выделить три типа социального окружения по характеру распределения мнений о действиях в Украине: «круг единомышленников», «поляризованное окружение» и «в стане противника».

Круг единомышленников

Многие из наших информантов — сторонников СВО окружены людьми, разделяющими их мнение по этому вопросу. Хотя причины и оправдания спецоперации весьма разнообразны, поддержка решения о ее начале оказывается достаточным критерием для ощущения солидарности и единомыслия в ближайшем кругу:

В моем окружении в большинстве все думают примерно так же, как и я. Да. Раз оно есть, мы живем вот в такой реальности. Мы ее принимаем. Мы своих не бросаем. (Женщина, Псков)

При этом, рассказывая о своих единомышленниках, информанты различают степени поддержки спецоперации от «либерально-пацифистской» (мужчина, 27 лет, Москва) до агрессивной, радикальной, с которой они не всегда могут согласиться:

Пролетарщина, которой 90%, она еще более радикальна, чем Путин. Они говорят, что надо, как США, там коврами надо сносить. (Мужчина, 34 года, Санкт-Петербург)

Меня сегодня шеф удивил, прямо не ожидал такого. Он всегда был очень политкорректным. Но сегодня на совещании он выдавал такие вещи, что я прямо удивился. (Интервьюер: Он прямо за Зю (Z)?) Он за Зю (Z), да. Он достаточно жестко, радикально. Он поддерживает, он за. (Мужчина, 37 лет, Йошкар-Ола)

Находясь в кругу единомышленников, информанты ощущают правоту и уверенность в своей позиции, а также переживают эмоциональную солидарность. Причем они разделяют друг с другом скорее эмоции негативного спектра — принятие происходящего как неизбежного, страх перед будущим, опасения по поводу снижения уровня жизни, переживания за людей, находящихся в зоне конфликта:

Слава Богу, я, мой муж, друзья, они все одного мнения — того, что да, это неприятно все, страшно и очень жаль людей, которые там находятся, но это необходимо. Это такая ассоциация, когда хирургу надо отрубить конечность от гангрены или вскрыть какой-то нарыв. (Женщина, 33 года, Москва)

Поляризованное окружение

Сторонники СВО также часто оказываются в окружении людей с противоположными (по отношению друг к другу) оценками происходящего. Информанты отмечают раскол и противостояние между провоенной и антивоенной позициями, начинают делить окружающих на «свой» и «чужой» лагеря:

Есть в моем окружении люди, которые категорически против этого, не понимают, не приемлют. И все очень негативно к этому относятся. Есть в моем окружении люди, которые поддерживают, таких людей тоже очень много. Поддерживают спецоперацию, считают, что мы все правильно делаем, «за победу», «за Путина», «Z». (Женщина, Псков)

Круг общения информантов разделяется по новым линиям, которых не было до начала спецоперации. Известно, что старшее поколение статистически в большей степени одобряет СВО, чем молодое поколение; что оппозиционно настроенные люди скорее выступают против спецоперации, тогда как провластно настроенные граждане скорее ее поддерживают. Но в социальном окружении сторонников разлом проходит и по другим линиям: например, родители и дети проявляют солидарность в одобрении или критике СВО; а люди, поддержавшие присоединение Крыма в 2014 г., или коллеги с оппозиционными взглядами оказываются по разные стороны баррикад, разделяясь на сторонников и противников.

Существование в поляризованном окружении порождает различные эмоциональные реакции и отношение к противникам спецоперации: спокойное и сдержанное отношение (пусть говорят, «выпускают пар», но не мешают (мужчина, 42 года, Санкт-Петербург)) соседствует с непониманием, недоумением (как они могут быть против?), раздражением от непримиримости позиций, невозможности диалога и некоторым снисходительным презрением:

Десять лет прожить, Украина вступает в НАТО, в Украине появляются базы НАТО, Россия под колпаком. Ну, если им была бы такая жизнь лучше, то мне их искренне жаль. (Мужчина, 21 год, Тюмень)

Позиция тех, кто решил покинуть страну из-за своих взглядов, также не вызывает у сторонников спецоперации понимания:

Большинство ее [жены] знакомых относятся к этому отрицательно. Часть уехала уже из России, что, с моей точки зрения, громадная ошибка. Потому что проблемы даже на бытовом уровне у граждан России, имеющих только одно, российское, гражданство возникают уже сейчас. Ну, банально проблемы с банками, то есть, даже имея счета за рубежом, люди не могут пользоваться своими деньгами. (Мужчина, 58 лет, Псковская область)

В стане противника

Лишь несколько сторонников обнаруживают себя в окружении людей, которые выступают против СВО. Эти информанты в каком-то смысле неожиданно (для других и себя) оказались сторонниками спецоперации. Так, мужчина, вовлеченный в оппозиционную политическую деятельность и выступающий против политики российской власти, счел своим долгом поддержать действия российской армии как гражданин:

*Я остался фактически в социальной изоляции, потому что подавляющее большинство друзей в ужасе — естественно, они против войны. Но я поддерживаю все равно вооруженные силы, потому что как гражданин России я по-другому поступить не могу. Потому что потом, когда все закончится, то кому-то опять надо будет заниматься оппозиционной деятельностью, поддерживать политическую конкуренцию. А если ты сейчас не поддержал свои вооруженные силы, то у тебя никакого морального права претендовать на какую-то политическую субъектность в России не останется.
(Мужчина, 34 года, Москва)*

Другой пример — история россиянки (40 лет, Дюссельдорф), которая уже несколько лет проживает в Германии и работает на немецкую компанию. Под влиянием расширяющихся санкций в отношении России и ощущения нарастания русофобских настроений она прошла путь от решительной критики спецоперации на Украине до принятия происходящего и согласия с тем, что СВО неизбежна и необходима для поддержания безопасности России, помощи жителям Донбасса.

Когда сторонники СВО оказываются в окружении ее противников, они тяжело переживают такую ситуацию. Они могут подвергаться нападкам и обвинениям, ощущать себя одинокими, отвергнутыми, непонятыми, чувствовать себя дискомфортно в привычном кругу общения. Это приводит к разрушению старых социальных связей, которые обычно не замещаются новыми.

Представления о единомышленниках и оппонентах

Информанты не только выделяют различные мнения в своем окружении, но и формируют представления об их носителях, о своих единомышленниках и оппонентах. Единомышленники, которые поддерживают спецоперацию, наделяются позитивными чертами (патриотизм, любовь к Родине, ответственность, рациональность). Противники же представляются людьми с изъянами мировоззрения (непатриоты, космополиты), недостаточно осведомленными или нерационально рассуждающими. Люди с нейтральной позицией, сомневающиеся или не выражающие определенного мнения относительно спецоперации, как правило, не замечаются информантами, исключаются из картины своего окружения.

Единомышленники

По представлениям информантов, ключевая характеристика сторонника спецоперации — патриотизм. Он выражается в гордости за русское/русских, в любви к Родине, которая, в свою очередь, подразумевает поддержку действий российского государства, президента, армии в любых обстоятельствах. Наши информанты обычно не делают различий между Россией как страной и как государством: в их понимании любовь к стране, проживание на ее территории, причисление себя к русским неизбежно включает поддержку действий своего государства. Поддержка спецоперации в этом смысле видится как пророссийская, истинно патриотическая позиция русского человека:

*Все нашего возраста, все: «Да, правильно, молодец Путин!»
Поддерживаем, как только можем, все. Вот это наше поколение.
Но у нас и воспитание такое. (Женщина, 72 года, Тюмень)*

Оппоненты

Главной характеристикой противников военных действий, по мнению информантов, является отсутствие патриотизма. Оно выражается в порицании русского народа и поддержке антироссийских санкций, что видится информантами как проявление ориентации на Запад, связывается в их сознании с опытом общения с Европой, путешествий и жизни в других странах, особенно западных:

*Люди с опытом работы и жизни за границей, люди, ориентированные на Европу. Либо кто жил долго за границей, но потом вернулся по каким-то причинам, то он поддерживает ту сторону.
(Мужчина, 42 года, Казань)*

Когда патриотизм уравнивается с поддержкой государства, а провластная позиция — с пророссийской, критика спецоперации воспринимается информантами как антироссийское действие. В глазах сторонников СВО противники выступают на стороне тех, кто нацелен унижить русский народ, ослабить Россию («чтобы страна на колени встала», (мужчина, Котлас)) и угрожает существованию «русского мира»:

*Есть, конечно, некоторое количество друзей, и есть просто знакомые, которые всю жизнь считали русских быдлом и так далее, «народ-раб», что [его] в принципе не должно существовать.
(Мужчина, 50 лет, Казань)*

Другая яркая черта образа противника спецоперации в глазах ее сторонников — это критическое отношение к власти, сочувствие оппозиции и участие в протестной деятельности, особенно характерное для молодежи и интеллигенции:

Те, с кем я познакомился в Москве — это в основном молодые люди около 20, от 17—18 до 25 лет. [...] Они очень по-новому социализируются [...] и вообще придерживаются очень прогрессивных взглядов. Они в подавляющем большинстве не поддерживают эту операцию, причем активно не поддерживают. Они массово ходят в единичные пикеты [...]. (Мужчина, 43 года, Москва)

Оппозиционность также устойчиво ассоциируется нашими информантами с политической активностью А. Навального⁴ («навальнята» (Женщина, 72 года, Тюмень) и симпатиями оппозиционным СМИ.

Информанты-сторонники склонны представлять противников СВО как не вполне полноценных субъектов. Противники видятся им людьми, которые не разбираются в проблеме, не задумываются об угрозах для страны, подвержены эмоциям. Соответственно, информанты-сторонники не воспринимают позицию оппонентов всерьез:

Есть у меня знакомый, старый друг. Он больше не разбирался, он просто пацифист. И он выходил на площадь с бумажкой «Нет войне!», очень ругает меня в Facebook⁵, мол, как так можно, надо быть в принципе против войны. Ну, пацифизм, он такой, просто пацифизм. (Мужчина, 50 лет, Казань)

Зачастую информанты-сторонники усматривают в позиции знакомых им противников СВО чрезмерную эмоциональность («заламывают руки» (мужчина, 34 года, Санкт-Петербург), склонность к драматизации и преувеличениям, агрессивное отстаивание своей точки зрения. Это вызывает неприятие и порицание, выливающиеся в презрительно-снисходительное отношение и нежелание вступать в диалог:

Казалось бы, что мы в целом видим вещи более-менее одинаково, но, когда началась Украина, все, у них сорвало крышку, и они вот все там чистые, свободные. Ясноокая голубоглазая девочка, невинная Украина, на которую ни за что внезапно обрушился кровавый маньяк и насильник, ну, в общем, все. [...] Какую-то новость пришло, да, и если новость не будет говорить о том, что «кровавые упыри российские съели...», а просто сообщается, как вот формально, да, сообщается о событии. Все! У него уже там начинает гореть во всех [местах]... (Мужчина, 40 лет, Санкт-Петербург)

Также сторонники склонны думать, что противники спецоперации не имеют независимого мнения, так как стали жертвами пропаганды, оказавшись под влиянием недружественных СМИ и политических движений.

⁴ Внесен в перечень экстремистов и террористов.

⁵ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ.

Стратегии взаимодействия с оппонентами

В ситуации, когда мнения по поводу СВО в ближайшем окружении информантов кардинально расходятся, взаимодействие с близкими становится проблематичным. У большинства информантов есть родственники, друзья, знакомые, которые не одобряют происходящее. Каким образом они выстраивают общение с ними? Насколько остро стоит проблема конфликтов? Какие поведенческие стратегии выработывают сторонники для налаживания взаимодействия?

Информанты — сторонники СВО описывают несколько основных способов взаимодействия с близкими, находящимися по другую сторону баррикад. Мы называем эти способы стратегиями, потому что информанты обладают агентностью (agency), способностью к действию и осознанно выбирают те или иные способы общения. Стратегии различаются по степени интенсивности общения на тему СВО и степени эмоциональной вовлеченности: информанты спорят, «цивилизованно обсуждают» спецоперацию, избегают разговоров о ней или перестают общаться в принципе.

Споры

Эта стратегия характеризуется неприятием противоположной точки зрения, уверенностью в неправоте оппонента и стремлением его/ее переубедить. Споры сопровождаются психологическим давлением, интенсивными эмоциями (обычно негативными — раздражением, гневом) и могут приводить к конфликтам:

Даже самое близкое окружение разделилось. Это же вплоть до ссор. Мама с тетей поругались, два дня не разговаривали. (Женщина, Псков)

Цивилизованное обсуждение

Эта стратегия похожа на споры в том смысле, что также предполагает диалог, открытый обмен мнениями, интерес к теме СВО. Однако она отличается тем, что допускает существование другого мнения, предполагает уважительное отношение к позиции оппонента, выслушивание позиции другого. При обмене мнениями о спецоперации информанты стараются сознательно поддерживать эмоциональную нейтральность, например, внимательно выбирая слова в процессе разговора:

Эту точку зрения я пытался до них донести, избегая каких-то агрессивных, провокативных высказываний или слов, которые могли бы [быть] интерпретированы собеседниками как неприятие их точки зрения, скажем в информационной манере. (Мужчина, 43 года, Москва)

Стратегия избегания

Эта стратегия заключается в сворачивании разговоров про спецоперацию, избегании их, стремлении исключить спорную тему из повседневного общения, сохранив все

другие взаимодействия. Такая стратегия используется информантами для уменьшения эмоционального накала, связанного с обсуждениями СВО, которые вредят не только окружающим, но и им самим:

*Я сказала, что дома о политике я больше не говорю, я не могу.
Я даже с вами говорю — у меня болит с левой стороны, где сердце.
(Женщина, 60 лет, Москва)*

Стратегия избегания также используется для сохранения отношений в семье, на работе, где разговоры о спецоперации могут разрушить привычные паттерны взаимодействия. Наконец, информанты используют стратегию избегания, когда не видят смысла в обсуждении — например, когда они убеждены, что разговоры не способны повлиять ни на мнение других людей, ни на ход СВО:

У кого противоположные точки зрения — стараемся эту тему не поднимать. Понятно, что люди разные, у каждого своя позиция, просто стараемся эту тему не затрагивать. (Мужчина, 38 лет, Йошкар-Ола)

Стратегия разрыва

Наконец, иногда информанты — сторонники СВО полностью прекращают общение с теми, кто придерживается противоположных взглядов. В наших интервью об этом упоминается достаточно редко. Обычно отношения разрывают с людьми «радикальных» взглядов, агрессивно отстаивающими свою позицию:

У меня просто у девушки тоже родственники на Украине. И она говорит, что они яростно, люто против Путина и операции, но при этом она «про Z», что называется. То есть тут все очень сложно, это и так понятно. Поэтому с такими людьми, да, у меня разорвалось. (Мужчина, 40 лет, Санкт-Петербург)

Интересно, что стратегии взаимодействия в ближайшем окружении меняются со временем. О спорах и цивилизованном обсуждении в основном рассказывают информанты, с которыми мы беседовали в первый месяц спецоперации. Вероятно, в этот момент людям было важно проговорить, выяснить позиции друг друга, они были готовы к диалогу. Вместе с «затягиванием» СВО наступает усталость. Когда позиции и аргументы высказаны, разногласия обнаружены, а конфликты пережиты, информанты чаще используют стратегию избегания.

* * *

Социальное окружение сторонников спецоперации неоднородно, не замкнуто на сообщество единомышленников. Круг единомышленников подкрепляет позицию сторонников СВО, поддерживает ощущение правоты, дает возможность переживания солидар-

ности. Взаимодействие с оппонентами обычно вызывает негативные эмоции и ведет к напряженности в отношениях. Противники спецоперации в восприятии ее сторонников наделяются негативными «атрибутами», стереотипными чертами и причисляются к враждебным России силам, а также представляются как недостаточно рациональные субъекты, едва ли способные к независимому и обоснованному мнению. Однако прекращение общения или полный разрыв отношений с носителями противоположной точки зрения — редкая среди наших информантов практика. Преобладает стратегия избегания споров, отказа от обсуждения СВО, «разговоров о политике». Эта стратегия позволяет предотвратить конфликты и сохранить отношения с близкими. С другой стороны, стратегии избегания могут привести к вытеснению на периферию общественного внимания тревожной темы «конфликта» и сузить возможности для диалога между оппонентами.

**КУЛЕШОВА
АННА ВИКТОРОВНА**

кандидат социологических наук,
руководитель департамента издательских программ
ВЦИОМ, главный редактор СоциоДиггера

ПОЛЯРИЗАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ПО КЛЮЧЕВЫМ ВОПРОСАМ СРЕДИ СТОРОННИКОВ И ПРОТИВНИКОВ СВО

Материал подготовлен на основании обобщенных высказываний в сетевых дискуссиях, адаптированных под публикацию в СМИ в рамках действующего законодательства. Орфография и пунктуация не сохранены, словесные обороты и определения в большинстве случаев представляют собой не дословное цитирование. Наблюдение велось с 3 марта по 15 июля 2022 года.

Сторонники СВО	Противники СВО
Отношение к войнам в целом	
<p>Войны никогда не заканчивались на земле, потери среди мирных граждан неизбежны.</p> <p>А как бы еще армии обновляли вооружение, если бы старое не расходовали?</p> <p>Предки многих россиян из Сибири, ее захватил Ермак, никто же не считает, что это было неправильно?</p> <p>США вообще бомбили Югославию, им никто слова не сказал, с какой стати тогда к нам претензии?</p>	<p>Принципиально недопустимы войны в XXI веке, важно сохранение имеющихся границ, значима ценность человеческих жизней, нельзя забывать о дипломатии, некоррупционности и сменяемости власти как способах ненасильственного решения многих конфликтов.</p> <p>В настоящей ситуации главный вопрос — отсутствие смысла в развернувшейся агрессии.</p> <p>Категорически против того, чтобы воспроизводить любой дурной внешний опыт, уверены, что с 1999 года, с нападения США на Югославию, мир стал другим, в нем изменилось положение женщин, стала возможна культура отмены, поменялось отношение к насилию.</p>
Публичная позиция	
<p>Достаточно редко заявляют свою позицию публично, опасаясь негатива со стороны «оголтелого меньшинства». Лично знают известных бизнесменов и ученых, которые думают схоже, но тоже не рискуют говорить о своей позиции вслух.</p>	<p>Нередко озвучивают свои взгляды, невзирая на риски получить тюремные сроки за них.</p>

Сторонники СВО	Противники СВО
Отношение к разного рода режимам и ограничениям свободы слова	
<p>Жители Северной Кореи, возможно, очень даже счастливы, мы просто не в курсе, а СССР и вовсе был не так уж и плох.</p> <p>Да и везде по миру сплошные ограничения свободы слова, помноженные на пропаганду нездоровых ценностей.</p> <p>Сейчас имеет место тренд на укрепление государственности, что правильно. Сопутствующие этому тренду цензура и аресты — часть стратегии укрепления государства, оно имеет на такую стратегию законное право.</p>	<p>Доминируют демократические ценности. Не видят перспектив развития общества в условиях ограничений и цензуры, без полноценной защиты прав и свобод, независимых СМИ, прозрачности и подотчетности государства.</p>
Восприятие современной истории России	
<p>Убеждены, что страну превратили в колонию, Запад коварно не давал России развиваться. Ее ненавидели, ненавидят и будут ненавидеть окружающие страны, они сделали за последние двадцать лет все, что только можно, лишь бы унижить Россию, лишить ее шансов на бурное экономическое развитие.</p>	<p>Убеждены, что главная проблема современной России — масштабная коррупция и ставка на природные носители, позволявшие управленческому составу не относиться серьезно к развитию собственной промышленности, науки, медицины и технологий. Зачем вкладываться в свое, тратить деньги на развитие научных направлений, строительство заводов, если все можно купить, хоть химические формулы, хоть машины? — считали они.</p>
Государство и общество	
<p>Государство — это управленческий состав страны, если он что-то придумает, это и надо будет поддерживать, поскольку именно такой подход составляет основу патриотизма.</p> <p>Обыватель не может быть умнее чиновника или силовика, у него нет доступа к секретным документам, он не мыслит глобально.</p>	<p>За ошибочные управленческие решения положена ответственность, с одной стороны, с другой — ошибки важно исправлять. Сплачиваться вокруг ошибок и множить их жертвы недопустимо.</p> <p>Общество обязано контролировать государство и удерживать его от ошибочных решений.</p>
Родина	
<p>Родина — это те люди, которые обладают властью принятия управленческих решений. В сложной ситуации надо быть на стороне тех, кто у руля, желать им победы, любые другие рассуждения — предательство.</p>	<p>Из любой сложной ситуации надо искать выход, а не поддерживать тех, кто в эту сложную ситуацию загнал. Родина — это территория и граждане, но не власть. Управленцы меняются, люди живут, города и веси остаются, важно защищать интересы обычных граждан, а не элит.</p>

Протесты

Те, кто выходил на протесты, делали это не бесплатно. Они получали деньги от коллективного Запада на подрыв стабильности в России.

А еще они специально старались попасть в тюрьму, чтобы потом легче было получать гражданство, рассказывать слезливые истории и показывать эффектные картинки своим кураторам.

Нормальные люди в сложный для страны момент не протестуют, а сплачиваются вокруг флага.

Невзирая на возможность арестов, важно сохранять гражданское самосознание и демонстрировать гражданскую солидарность, выходя на протесты. Настоящий патриотизм — отстаивать лучшее будущее для своей страны, несмотря на сиюминутные риски лично для себя.

Если все будут сидеть по домам, сложится превратное впечатление о тотальной поддержке нынешних решений.

Те, кто пишет негативные комментарии по поводу протестов в соцсетях, — просто проплаченные тролли.

Санкции и будущее

Санкции сторонники готовы воспринять как вызов, который пойдет на благо стране, ее бизнесу, образованию, медицине и пр. В их логике до санкций от этого развития что-то удерживало, а теперь, в ситуации ограниченных ресурсов, экономика и промышленность резко пойдут вверх.

Противники убеждены, что в глобальном мире в одиночку конкурентоспособную промышленность и технологии не развить. Можно попытаться воспроизвести технологии или попробовать нагнать их на каких-то сегментах, но в целом ситуация обречена на отставание, деградацию и снижение стандартов.

Уехавшие из России после 24 февраля

Уехавшие с началом спецоперации — предатели, которых купил Запад, а еще среди них коррупционеры, скрывающиеся от правосудия, и просто равнодушные люди, которые могли бы помогать России, лечить сограждан, например, или заниматься политикой, а они взяли и сбежали.

Убеждены, что из тюрем лечить сограждан и приносить пользу обществу не очень-то удобно, в условиях ограничений и цензуры разумнее вкладывать свой интеллект и силы туда, где они востребованы и жизнеспособны. В конце концов, еще настанет то будущее, когда они смогут вернуться и принести пользу.

Удивляются наивной вере в то, что и их самих, и все вокруг можно купить. Знают не понаслышке, что многие оставили дома и уютные жизни ради свободы, а впереди — тяжелый труд и углубленное изучение грузинского языка...

Европа

Она привела в глубочайшее недоумение и разочарование тех, кто поддерживает СВО, введением санкций против обычных граждан. Нарботанный авторитет Европы утратился в тот момент, когда выяснилось, что европейцы не так уж и дорожат правами и не настолько гуманны, как это всегда рисовалось, они вполне себе обычные, циничные, коррумпированные и жестокие, спокойно арестовывают собственность, блокируют карты и счета...

Убеждены, что лучше уж экономические издержки, лишь бы не ракеты и снаряды на твоей территории. Видят много самой разнообразной поддержки на уровне отдельных институтов и конкретных людей, полагают, что часть санкций носила эмоциональный, а потому ошибочный характер.

Никогда и не думали, что европейцы — люди из другого теста, что где-то политика делается в белых перчатках.

Искусство

Закрывающихся театров, выставок, спектаклей не жалко. Раз закрывают, значит, надо. Современное искусство и разного рода элитарные произведения востребованы небольшой группой лиц, стране в целом от них не жарко, не холодно. Может быть, вообще на этих спектаклях чуждые ценности навязывали и государственные основы подрывали.

Если государство дает деньги на спектакли, они должны отвечать его интересам и представлениям о добре и зле.

Ножом по сердцу сюжеты с закрытиями театров и выставок. Вместе с ними уходят смыслы и частички жизней. Отобрана повседневность, пространства, где встречались с единомышленниками, город, в котором жили, произведения, через которые воспитывали детей.

У государства нет своих денег, убеждены они, весь его бюджет — деньги налогоплательщиков и доходы, полученные от наших общих природных ресурсов, значит, театры должны быть разными, для разных аудиторий.

Иноагенты

Люди, работающие в интересах внешних стран, навязывающие чуждые ценности, стремятся развалить страну изнутри, совершенно правильно с ними власть борется. Чем меньше иноагентов останется на территории России, тем лучше.

Иноагенты — любые независимые СМИ и критично мыслящие люди, отказывающиеся поддерживать официальную риторику. Борьба с ними равносильна борьбе со свободой слова. Понятие «иноагент» — удобный инструмент для репрессивной машины.

Интеллигенция

Интеллигенция (в широком ее понимании) становится предметом для насмешек со стороны сторонников СВО. Это люди «со светлыми лицами и в белых пальтах», не способные к смирению и к тому, чтобы государственные интересы ставить выше личных. А еще они не так однозначны, как хотят показаться, у всех «рыльце в пушку», только «строят из себя святош» и «одурманивают народ, критикуя власть», раскачивая лодку, планомерно ведя к гражданской войне. Не будет интеллигенции, не будет и гражданского раскола.

Видят интеллигенцию скорее как разум и совесть нации, переживают из-за ее отъезда. Убеждены, что человеческий капитал страны — это ученые, деятели культуры и даже айтишники, а уж никак не силовики и не коррупционеры. Ни последние, ни предпоследние не в состоянии ничего создать или придумать лучшее будущее. Гражданский раскол уже случился, общество поляризовано, градус ненависти повышает с экранов телевизоров совсем не интеллигенция.

Сторонники СВО	Противники СВО
Наказания	
<p>Надо сторонников западного мира вычистить из школ и университетов, лишать гражданства людей, которые считают нашу страну преступной. А еще в тюрьмах от них будет много пользы.</p>	<p>Необходимы законодательные ограничения для политической элиты после ее смены: ограничения на участие в управлении делами государства и т. п.</p>
Дети	
<p>Лояльно относятся к введению патриотического воспитания в садах и школах. Надо, значит, надо. Ничего нет плохо в гордости за историческое прошлое своей страны, в правильном понимании происходящего. Не обывателям и не «диванным критикам» решать, как растить будущие поколения, чтобы они стали настоящими патриотами своей Родины.</p>	<p>Достаточно лаконично выражают свои взгляды — руки прочь от детей. Они прекрасно вырастут в разнообразии, найдут своих единомышленников в кружках и школах, не надо стричь образование под одну гребенку. У человека, у учителя всегда должен быть выбор, у родителя и ребенка — тоже. Единомыслие детям навязывать не стоит, важнее учить критическому мышлению, умению противостоять пропаганде, способности не считать, что мнение большинства априори верное.</p>
Меньшинства	
<p>Опасаются, что меньшинства захватят большинство, навязав свои чуждые ценности. Толерантность — выдумка Европы и США, за которую они уже поплатились, там детей тайком от родителей в детских садах кормят гормонами, чтобы с четырех лет начать готовить к трансгендерному переходу, а еще им говорят, что однополые отношения — вариант нормы.</p>	<p>Убеждены, что как просмотр военного парада не может радикальным образом изменить представления мужчины о маскулинности, так и гей-парады вряд ли в состоянии повлиять на чью-либо сексуальность. Не доверяют слухам, опираясь на опыт людей, которых знают лично.</p> <p>Видят смысл в защите разнообразия жизненных сценариев и прав меньшинств, не усматривая угроз в том, что каких-то людей не преследуют на основании их сексуальности.</p>
Опросы общественного мнения	
<p>Доверяют официальным сводкам, при каждом удобном случае обращают внимание на незнание своего же народа теми, кто выражает противоположные взгляды и не поддерживает СВО, осуждают непонимание интересов граждан страны и представлений о том, что является благом.</p> <p>По своему окружению они видят, что опросы правдивы, очень много поддержки СВО среди друзей и знакомых.</p>	<p>Опросы чаще всего демонстрируют социально одобряемые ответы, по ним можно замерять эффективность работы пропаганды, к тому же слишком многие люди отказываются от участия в них, ведь по номеру телефона легко вычислить человека. Хотели бы получить достоверные ответы — получили бы их, организовав аналог экзитпола.</p> <p>Да и в ближайшем окружении нет никого, кто поддерживал бы СВО.</p>

ДМИТРИЙ ДУБРОВСКИЙ¹

кандидат исторических наук, профессор,
Свободный университет* (Москва);
преподаватель, факультет социальных наук,
Карлов Университет (Прага)

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТЫ — ОТ ЗАЩИТНИКОВ МЕНЬШИНСТВ ДО ЦЕНЗОРОВ

Специальная «гуманитарная» экспертиза (требующая особых познаний в областях, отличных от традиционных для криминалистики областей, таких как патологоанатомия или трасология), возникла в российском праве сравнительно недавно, в 1990-х годах. Тогда на волне увеличения активности неонацистских групп ряд российских демократически настроенных ученых, лингвистов и этнографов приняли участие в создании в интересах государства инструмента специальной экспертизы, которая помогала правоохранительным органам в расследовании преступлений на почве ненависти. Уровень этой ненависти можно оценить, в частности, по трагической судьбе одного из таких ученых, Николая Михайловича Гиренко, который погиб от рук неонацистов 19 июня 2004 г. в собственной квартире.

Тогда же появились «патриотически настроенные», ориентированные на правых радикалов ученые, которые зачастую защищали ксенофобов в суде. Парадоксально, но на тот момент они были большими поклонниками конституционного принципа свободы слова, постоянно упирая на то, что статья 282 УК РФ, предусматривавшая санкции за откровенно ксенофобные и враждебные к различным меньшинствам высказывания, является антиконституционной и ограничивает свободу высказываний.

Ситуация изменилась к середине 2000-х годов. Повестка выявления ксенофобии и призывов к ксенофобному насилию в текстах стала все больше перехватываться государством. Инструмент, созданный для защиты прав этнических и национальных групп, начал использоваться для защиты государства от критики. Так, критика работы полицейских все чаще интерпретировалась как «унижение социальной группы — сотрудники полиции».

Все это время противостояние также шло между «нативистами», то есть теми, кто предпочитает проводить исследования в уверенности, что никакой особенной науки за пределами России не существует, и «глобалистами», ориентированными в своих исследованиях на международную повестку, как называет такие группы И. Крастев.

¹ Физическое лицо, признанное в РФ СМИ, выполняющим функции «иностранным агентом».

* 31 марта 2023 г. запрещен и признан нежелательной организацией на территории РФ.

Такая ситуация привела не только к падению профессионального уровня экспертизы и к сильной поляризации тех, кто придерживается международных стандартов в работе, и тех, кто видит основную задачу эксперта в «защите государства». Как [высказывается](#) один из таких экспертов, только он способен «правильно оценить политическое высказывание» и защитить государство от воздействия «факторов вербального воздействия на сознание» и «дискурсивного оружия». Показательно, что часто именно те эксперты, которые выступают «охранителями государственных интересов» и «защитниками России», оказываются [фигурантами](#) Диссернета, то есть регулярно нарушают нормы профессиональной этики, участвуют в защитах недобросовестных диссертаций и бывают причастны плагиату.

Это противостояние обострилось после начала СВО. Введенный комплекс законодательных инициатив создал условия, когда экспертное заключение стало еще более весомым, а радикальность позиций — еще более явной. Эксперты по обе стороны этого противостояния оказались поставлены в тяжелое положение именно как представители научного сообщества. В процессе подготовки текста эксперты отчаянно пытаются хоть как-нибудь сделать его похожим на научный: в частности, стараются придать «научный» характер понятию «дискредитация», хотя очевидно, что речь идет о правовом термине, которого нет ни в одной социальной или гуманитарной науке. Одновременно эксперты со стороны обвинения некритично относятся к любым официальным комментариям официальных ведомств. В результате эксперты со стороны защиты вынуждены следовать сомнительной с научной точки зрения логике, задаваемой обвинением: сравнивать спорное высказывание с официальной позицией и пытаться объяснить, что высказывание, например, не является прямым отрицанием официальной позиции. Таким образом, складывается ситуация, при которой радикализация политической ситуации обостряет не только позиции экспертов, происходит драматическая мутация научной экспертизы, а эксперты перекавалифицируются в толкователей.

**СТАРДУБРОВСКАЯ
ИРИНА ВИКТОРОВНА**

кандидат экономических наук, руководитель направления
«Политическая экономия и региональное развитие»
Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара

РАДИКАЛИЗАЦИЯ И КОНФЛИКТ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

o Немного о терминах и теориях

Концепция радикализации появилась относительно недавно, в середине 2000-х годов. Изначально она знаменовала собой новый подход к пониманию истоков терроризма — в ее рамках считалось, что люди становятся террористами в результате восприятия идеологии насилия. Другими словами, приверженность определенным идеям однозначно ведет к насильственным действиям. Появление этой теории непосредственно связано с резонансными терактами первой половины 2000-х годов, в центре ее оказался феномен исламской радикализации.

Сейчас теория радикализации далеко ушла от своих исходных постулатов. Признано, что причины радикализации многообразны, как и траектории движения индивидов к принятию радикальных идей. Более того, идеологическая радикализация далеко не линейно связана с радикализацией поведенческой — есть радикалы, отрицающие насилие, но даже идеологические сторонники насилия достаточно редко переходят к практическим действиям. Существуют два противоположных подхода к оценке роли отрицающих насилие радикалов: теория «конвейера» утверждает, что восприятие радикальных идей в любом случае готовит индивида к насильственным действиям, тогда как теория «огненного барьера» исходит из того, что «ненасильственные радикалы» предотвращают втягивание своих сторонников в насильственные практики.

Произошедший в теории разрыв непосредственной связи между восприятием радикальной идеологии и переходом к насильственным действиям ставит вопрос о том, кого вообще можно считать радикалом. В данной статье термин «радикал» будет относиться к тем, чьи идеологии, ценности и образ жизни существенно отличаются от принятых в мейнстриме общества, в котором они живут. То есть это понятие относительное — то, что считается радикализмом в Европе, далеко не обязательно будет восприниматься как радикализм в Саудовской Аравии. И не всегда радикализм означает насилие.

Немного об авторе

Более десятилетия я проводила полевые исследования на Северном Кавказе, а также в диаспорах выходцев из этого региона в различных зарубежных странах. Причем примерно половину этого времени мой интерес в первую очередь сосредотачивался на изучении радикальных исламских сообществ. Их было принято называть по-разному: ваххабиты, салафиты, сторонники «нетрадиционного ислама». Я в основном пользуюсь термином «исламские фундаменталисты», под которым понимаются сторонники возврата к религиозным первоисточникам — Корану и Сунне — и очищения ислама от более поздних наслоений, а также строгого следования исламским требованиям в повседневной жизни. Социальным идеалом для подавляющего большинства из них выступает создание халифата, основанного на исламском законе — шариате.

За этот период мне приходилось общаться со многими десятками, если не сотнями, представителей разных фундаменталистских групп и движений — более или менее радикальных. По понятным причинам в основном это были люди, отрицавшие насилие. Среди них было немного идеологических сторонников насильственных действий и еще меньше тех, кто непосредственно участвовал в насильственных практиках. Особым объектом моих исследований стали так называемые «расколотые сёла» — те северокавказские сельские сообщества, в которых произошел религиозный раскол. В таких сообществах я пыталась пообщаться со всеми сторонами конфликта; реконструировать по шагам его ход; понять, что могло способствовать углублению конфликта и переходу его в насильственную стадию либо, напротив, его смягчению.

Мои представления о процессах радикализации на Северном Кавказе основаны именно на результатах этих полевых исследований. Они отражают то, что я увидела, пережила, прочувствовала, тесно общаясь с теми, кто для многих из нас выступает фактически идеальным образом «чужака», — с исламскими радикалами.

Истоки радикализации — как я их увидела

Радикальные идеи всегда пользуются определенной популярностью. Однако бывают времена, когда спрос на них существенно возрастает. Это в первую очередь периоды кризисов и резких социальных трансформаций — прежние представления о жизни, нормы, иерархии рушатся, и возникает потребность осмыслить мир заново и изменить его в соответствии с ранее недостижимыми идеалами. В постсоветский период на Северном Кавказе фактически совпали два таких острейших кризиса. С одной стороны, это крах советской системы, который пережили все постсоветские социумы. С другой — это массовая урбанизация, отток из крупных северокавказских городов проживавшего там населения и переселение в них сельских жителей, в первую очередь горцев, что полностью изменило социальный облик этих городов. «Зыбучие пески урбанизации» похоронили под собой прежнюю городскую культуру и городские нормы, создав условия для аномии и социального хаоса, где основным регулятором становилось право сильного.

Какой запрос формировался у молодых людей первого городского поколения, вынужденного прокладывать свой путь в городских джунглях, сталкиваясь с хаосом и несправедливостью, чувствуя себя дискриминируемыми теми, кто обладал административными, финансовыми и силовыми ресурсами? В первую очередь это запрос на четкую систему норм и регуляторов, способную дать точку опоры. Это также запрос на легитимацию межпоколенческого конфликта — родители, бывшие сельчане, мало что могли дать детям-горожанам, растущим в совершенно иных социальных условиях, но, в соответствии с традиционными нормами, по-прежнему стремились их контролировать. Ослабление кровнородственных иерархий усиливало запрос на сообщество единомышленников, которое обеспечивало бы психологический комфорт и поддержку. Наконец, не последнюю роль играл и запрос на легитимацию протеста против творившихся несправедливостей (как реальных, так и воображаемых), не позволявших реализовывать предпочтительные жизненные траектории. Молодые люди, не имевшие богатых и влиятельных родственников, ощущали невозможность продвинуться в жизни, защитить свои права, чувствовали себя людьми «второго сорта».

Исламская фундаменталистская идеология позволяла удовлетворить все эти запросы. Она регулировала жизнь верующих во всех деталях — буквально начиная с того, как правильно сходить в туалет, и заканчивая тем, к чему стремиться. Она создавала условия для реализации запроса на сообщество единомышленников, связанных отношениями фиктивного родства (все мусульмане — братья и сестры). В рамках этого сообщества жизнь (в идеале) регулировалась общими для всех религиозными нормами, а вовне оно могло выступать как силовая корпорация, защищающая жизнь и интересы своих членов (нередки были случаи, когда мусульмане вытесняли криминал с территорий, где исламские идеи получали широкое распространение). Включая в себя социальный идеал упорядоченного и справедливого исламского общества, фундаменталистская идеология легитимировала протест против окружающего хаоса и несправедливости. При определенной интерпретации она даже вела к легитимации межпоколенческого конфликта. По исламу дети должны слушаться родителей во всех вопросах, кроме религиозных. Но если считать родителей неверующими или неправильно верующими мусульманами, вся жизнь которых построена на ложных принципах и ценностях, непослушание получает идеологическое обоснование.

Собственно, представленные выше рассуждения приводят к выводу, что в условиях социального перелома приверженность исламской фундаменталистской идеологии может быть вполне рациональным выбором, а вовсе не результатом «зомбирования» и «промыывания мозгов». И если индивид прошел социализацию в культуре насилия — например, в рамках криминальной культуры, широко распространенной в 1990-е, либо военной культуры (войны в Абхазии и Чечне), — то насильственные практики для него становятся вполне допустимым способом достижения поставленных идеологических целей. Однако далеко не все в идеологической и поведенческой радикализации может быть объяснено рациональными соображениями. Влияние конфликта на радикализацию — как раз один из тех сюжетов, которые демонстрируют, как индивид может вынужденно втягиваться в подобный процесс.

Радикализация в условиях конфликта

Как в теории радикализации, так и в теории конфликта взаимовлияние этих двух процессов практически не становилось предметом специального анализа. И это очень странно, поскольку здесь прослеживается прямая взаимосвязь. Посмотрим, как она реализуется, на примере какого-либо сельского сообщества на Северном Кавказе — так будет проще.

Конфликт обычно начинался с того, что группа молодых людей (назовем их «исламскими диссидентами»), получивших представление о фундаменталистских исламских идеях — от проповедников, из интернета, в результате обучения в зарубежных исламских учебных заведениях или даже в военных лагерях в Чечне, — ставила под вопрос правильность верований и образа жизни своих односельчан. Естественно, это вызывало активный протест и вообще воспринималось как подрыв основ — в традиционном обществе меньшинство не может бросить вызов большинству, а младшие — старшим. В результате сельское сообщество раскалывалось на сторонников и противников новых взглядов, которые постепенно минимизировали взаимные контакты. При этом они не только могли ходить в разные мечети: размежевание нередко происходило в достаточно драматичных формах — отцы выгоняли из дома сыновей, рушились браки, сторонники разных сторон конфликта (в том числе члены одной семьи) переставали ходить друг к другу в гости и даже здороваться при встречах. Причем разрыв все более нарастал, каждая из групп становилась все нетерпимее, между ними могли происходить прямые столкновения. Наконец, если одна или обе стороны решали привлечь силовой ресурс (силовиков или боевиков — «лесных») для финального разрешения конфликта в свою пользу, противостояние окончательно переходило в насильственную стадию.

Что можно сказать в этих условиях о процессах радикализации?

Во-первых, далеко не всегда идеология «исламских диссидентов» изначально призывала к жесткому противостоянию и насилию, хотя и такое было характерно, например, в тех случаях, когда «диссиденты» возвращались после боевых действий в Чечне. Сама динамика конфликта могла влиять на идеологические позиции, ведя к их ужесточению.

Во-вторых, угроза усиливающейся радикализации в рамках конфликта характерна не для одной, а для обеих его сторон — все большая замкнутость и поляризация неизбежно ведут к росту нетерпимости, к дегуманизации другой стороны и к возрастающей готовности к насилию, нередко получающей идеологическое обоснование.

В-третьих, когда конфликт захватывает значительную часть сельского сообщества, все сложнее становится соблюдать нейтралитет. В условиях, когда «кто не с нами, тот против нас», приходится выбирать ту или другую сторону, то есть включаться в противостояние.

В-четвертых, если конфликт переходит в насильственную стадию, начинает действовать «спираль насилия»: насилие порождает насилие в еще больших масштабах, страх за себя и месть за своих становятся основными ее двигателями.

Так в целом выглядит «микрокосм» религиозного конфликта на уровне сельского сообщества. При этом не всегда конфликт доходит до насильственной стадии. В сообществе могут оказаться авторитетные фигуры или группы, которые стремятся выступить посредниками между конфликтующими сторонами, найти взаимоприемлемый компромисс, не допустить углубления раскола. Иногда им это удается, хотя и далеко не во всех случаях. Либо конфликт захватывает лишь меньшинство местного населения и не приводит к столь разрушительным последствиям, что было характерно для не очень религиозных сел. Однако не так редки случаи, когда конфликт проходил все стадии и выливался в полноценное насильственное противостояние.

Собственно, «макркосм» религиозного конфликта на Северном Кавказе, который в СМИ обычно (и не совсем точно) обозначался как конфликт суфиев и салафитов, характеризовался примерно теми же чертами и процессами. Многие молодые люди, с которыми мне приходилось обсуждать эту проблему, рассказывали, что они, став практикующими мусульманами, в какой-то момент столкнулись с однозначным выбором: поддерживать либо официальный традиционный ислам, либо «лес» — вооруженные джихадистские формирования. Никаких промежуточных вариантов не было. Правда, потом «исламский ландшафт» усложнился — популярность стали набирать мирные фундаменталистские группы и течения.

Опять же, вопреки распространенным представлениям, радикализация была характерна для обеих сторон противостояния. Один из дагестанских муфтиев вообще говорил, что тот, кто убьет ваххабита, попадет в рай. При этом в развертывании конфликта немалую роль играла «спираль насилия» — все более широкий спектр идей и позиций для каждой из сторон воспринимался как «вражеские», носители которых должны быть уничтожены. Все в большей степени применялся принцип «цель оправдывает средства». К идеологическому противостоянию примешивалось стремление использовать насильственный потенциал для разрешения совсем иных конфликтов и устранения конкурентов, что еще более расширило масштабы насильственных действий.

В конце концов конфликт исчерпал себя — частично в результате силового подавления «диссидентов», частично в результате миграции значительной части радикалов в Исламское государство¹ и их последующей гибели. Однако если люди будут ощущать, что в обществе царят хаос и несправедливость и господствует право сильного, нет гарантий, что аналогичный конфликт не воспроизведется в следующих поколениях — в подобной либо какой-то другой форме.

Конфликт и медиация

Выше уже говорилось, что не всегда конфликт выливается в насилие — он может остановиться на этапе первоначального размежевания, либо раскол может превратиться в рутинный и не вести к дальнейшей эскалации. Главный механизм торможения конфликта — медиация со стороны лиц, уважаемых обеими его сторонами. Обычно подобной авторитетной фигурой оказывается сельский имам либо неформальный религиозный лидер.

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

«Если там есть имам, который работает в селении, понимающий ислам, понимающий общество, который может в любое время сесть за диалог, решить вопрос мирным путем, не обострить, вот в таком случае большинство избегает вот такие [конфликтные] отношения» (муж., сред. возр., Дагестан, 2013).

Медиация базируется на уважительном отношении к обеим сторонам конфликта. «Диссиденты» в рамках этого процесса из третьюемого меньшинства превращаются в равноправную сторону диалога — они воспринимаются как «братья», имам не стигматизирует их в ходе пятничных проповедей в мечети (что нередко становилось для «диссидентов» важным стимулом отколоться и молиться отдельно), их позиция признается имеющей право на существование. В то же время медиатор жестко пресекает попытки диссидентов оскорблять и принижать другую сторону конфликта, оказывать на нее давление. В некоторых случаях он вообще стремится предотвратить прямое общение сторон, предлагая возложить на него коммуникацию с оппонентами исходя из того, что лишь он обладает авторитетом и знаниями, необходимыми для объяснения религиозных вопросов.

В то же время медиатор работает с каждой из сторон конфликта, стремясь уйти от жесткой однозначности позиций, обеспечить сдвиги навстречу друг другу. Так, в одном из сел рассказывали, как местный молодой религиозный лидер общался со старшим поколением. Он выбирал наиболее готовых к коммуникации старших и говорил им, что Аллах их любит, потому что они пронесли веру через тяжелые советские годы. Но Аллах будет любить их еще сильнее, если они будут выполнять исламские ритуалы немного по-другому. Затем уже эти старшие, гордые тем, что теперь Аллах любит их еще больше, объясняли остальным, что для этого надо делать. В общении с «диссидентами» медиатор использует другие подходы — здесь он объясняет, что его более мягкая позиция также совместима с шариатом, и потому может быть принята.

«Он отучился, приехал, у него свои познания есть в религии. Он знает, что... из ислама, что из обычаев. Соответственно, мы к нему обращаемся, он нас устраивает. Он к нам обращается, мы его устраиваем» (муж., сред. возр., КЧР, 2014).

Попытки медиации в период острого конфликта были не только на уровне отдельных сел. В начале 2010-х годов в Дагестане начался религиозный диалог между ранее непримиримыми противниками. В апреле 2012 года в соборной мечети Махачкалы состоялась встреча между представителями официального суфизма и отрицающими насилие фундаменталистами, объединившимися в организацию «Ахлю Сунна валь джамаа»². Все спорные религиозные вопросы было решено обсуждать на научных диспутах. Поношение мусульманами друг друга, выслеживание и доносительство на мусульман договорились запретить. Важнейший шаг в преодолении конфликта был сделан. Процесс примирения вслед за Махачкалой был инициирован также в некоторых сельских районах.

² 30.09.2019 организация признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

И все же эта инициатива не увенчалась успехом. В первую очередь потому, что она не включала в себя всех «игроков», задействованных в противостоянии. К моменту ее осуществления в республике уже много лет полыхал кровавый конфликт, вовсю разворачивалась «спираль насилия». Исламские боевики («лесные») не только не поддерживали мирный процесс, но ответили на него новыми терактами, воспринимая умеренных фундаменталистов как предателей, расколовших единый фронт сопротивления. Отношение различных силовых структур к процессу примирения также было неоднозначным. Окончательно мирная инициатива была похоронена в результате убийства лидера дагестанского официального суфизма Саида Чиркейского. Насилие в Дагестане было подавлено не в ходе гражданского умиротворения, а в первую очередь силовым образом.

Примером более успешного опыта медиации может выступать Карачаево-Черкесия. Эта республика выделялась относительно низкой остротой конфликта — потери среди силовиков там были на порядок ниже, чем в соседней Кабардино-Балкарии. Не в последнюю очередь это было связано с попытками мирного урегулирования противостояния, предпринимавшимися со стороны как светских, так и религиозных структур. Муфтият КЧР не отталкивал тех молодых людей, которые получили зарубежное исламское образование, но включал их в свою работу. А они уже, в свою очередь, могли выступать медиаторами в сельских конфликтах — образованность обеспечивала им для этого достаточный авторитет. Функции медиации брали на себя и депутаты-мусульмане, стремившиеся влиять как на государственные структуры, так и на своих единоверцев в направлении мирного урегулирования конфликтов и недопущения развертывания «спирали насилия». Немалую роль сыграла позиция уполномоченного по делам религии в республике.

«У меня никогда не было вот этой фобии и жупела, что это вот там такой страшный ваххабит... Это люди, с которыми можно и нужно работать, нужно убеждать, нужно говорить. И каждый человек, который ушел в лес, — это наша потеря. То есть мы его не убедили, мы не смогли доказать, что можно здесь себя реализовать»³.

Заключение

Что может дать нам исследование такого частного случая, как радикализация и конфликт на Северном Кавказе, для понимания социальной динамики в целом?

Во-первых, радикализация — далеко не всегда результат «зомбирования» и «промывания мозгов», как это нередко трактуется в научных дискуссиях. Радикализация может быть осознанным и рациональным выбором, отвечающим запросам индивида в специфических социальных условиях.

³ Интервью с уполномоченным по делам религии в КЧР Е. Кратовым (Черкесск, 2014). Подробнее об опыте КЧР см.: Стародубровская И. В. Религиозно мотивированное насилие в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии: в чем причина различий? // Кавказский сборник. М.: Аспект Пресс. Т. 12(44). 2020. С. 341—360.

Во-вторых, появление взглядов, существенно отличных от мейнстрима, в не допускающем плюрализма обществе неизбежно вызывает мобилизацию сторонников традиций для отпора «диссидентам». Возникающий при этом конфликт в результате собственной внутренней динамики ведет ко все большей замкнутости каждой из сторон, углубляющейся поляризации и нетерпимости в отношении других взглядов. Это чревато усилением радикализации обеих сторон конфликта и угрозой перехода его в насильственную фазу.

В-третьих, при переходе противостояния в насильственную стадию «спираль насилия», мотивированная, по словам Г. Дерлугьяна⁴, страхом за себя, местью за своих и дегуманизацией противника, становится основным механизмом дальнейшей радикализации и развертывания конфликта.

В-четвертых, усиления радикализации и перехода к насилию в условиях конфликта можно попытаться избежать, если фигуры или группы, авторитетные для обеих сторон противостояния, возьмут на себя посреднические функции и приведут стороны к взаимоприемлемому компромиссу.

⁴ «Люди не становятся убийцами в одночасье. Для этого требуется эмоциональная брутализация, мотивируемая страхом за себя, местью за своих и дегуманизацией образа противника, к которому перестают применяться человеческие нормы». См. Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Территория будущего, 2010. С. 39—40.

**ВЕРХОВСКИЙ
АЛЕКСАНДР МАРКОВИЧ**

директор Информационно-аналитического центра «Сова»^{*1}

ФАКТОРЫ (ДЕ)РАДИКАЛИЗАЦИИ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В 2000-е ГОДЫ

Радикальность политических групп и течений может пониматься как в плане взглядов, так и в плане методов действия — используемых или прокламируемых. Говорить о радикальности взглядов применительно ко всему движению русских националистов невозможно, так как оно всегда было весьма многообразно в идейном плане. Если попытаться увидеть его в целом, можно сказать, что основная его часть всегда стояла в более или менее решительной оппозиции к существующему в постсоветской России политическому порядку и к его конституционным основам, как бы они ни менялись. Поэтому в статье речь пойдет только о радикализации русских националистов во втором смысле — в плане реальных или предполагаемых методов действия. Радикальными при этом будем считать методы, связанные с применением насилия, включая призывы к его применению. Это не единственное возможное понимание радикальности методов, но зато достаточно распространенное, удобное в обсуждении и очень значимое для движения русских националистов.

Поскольку мы будем говорить о динамике, необходимо начать с важного замечания. Конечно, русские националисты — это политическое движение или даже политическая среда, и состав этой среды очень пестрый в любом отношении. В том числе представлен весь возрастной спектр, хотя и неравномерно: есть видимый дефицит в средних возрастах. Но если иметь в виду более радикальную, то есть более склонную к насилию часть движения, здесь подавляющее большинство составляют люди молодые — от среднего и даже младшего подросткового возраста до примерно 25 лет. А люди такого возраста обладают в среднем двумя особенностями: во-первых, важна эмоциональность (соответственно, поведение весьма изменчиво), во-вторых, поколения радикалов сменяются быстро, всего за несколько лет. Поэтому недавние события важнее, чем долговременная память движения (хотя она есть и даже культивируется). В результате молодежная и радикальная часть движения быстрее реагирует на разные факторы, чем более умеренная и возрастная. И действительно, практики насилия в русском национализме трансформировались довольно быстро.

¹ Здесь и далее * означает российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранного агента».

В этой статье мы сперва кратко рассмотрим динамику развития движения и особенно его радикальности в смысле отношения к насилию, а потом обсудим факторы, которые могли бы объяснить именно такую динамику.

История ультраправого насилия в двух словах

Если максимально кратко описывать динамику насилия², видна неравномерность темпов перемен — есть периоды качественных изменений, это около 2000 года, 2007—2009 и 2012—2014 годы.

Первая половина 1990-х была временем скорее больших планов насилия, чем реального его применения, но со второй половины большие планы пропали, зато снизу постепенно поднималась наци-скинхедская, неонацистская волна повседневного насилия, причем направленного против не «антинародного режима», а непосредственно против «этнических врагов». Неонацистское насилие пережило два пика — в начале и во второй половине нулевых годов, и только на втором пике хотя бы отчасти повернуло против «системы», и то во многом в отместку за то, что «система» начала наконец активно ловить и сажать неонаци.

Параллельно на базе той же среды выросли политические движения — как неонацистские, так и стремящиеся превратиться из ультраправых в национал-популистские, а от насилия хотя бы отчасти дистанцироваться, и здесь главным примером было Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ). Новые организации «нулевых» годов отличались от организаций 1990-х еще и тем, что гораздо меньше спорили о разных аспектах национализма: определении «русскости», чаемой форме правления, религиозных приоритетах и т. д., а фокусировались на одном пункте — на идее этнокультурной однородности и, соответственно, неприятию миграции, как внешней, так и внутренней. В принципе, энергия бывших и актуальных наци-скинов могла бы таким образом трансформироваться в политическое русло, опираясь на массовую мигрантофобию. Но «политическим националистам» активно мешали сверху, и, что не менее важно, организации этого типа со своей слишком радикальной активистской базой так и не смогли выйти за стилистические рамки «русского марша», неприемлемые для среднего гражданина: как бы плохо ни относился этот гражданин к мигрантам и вообще к «нерусским», толпа хулиганистой молодежи с малопонятной и подозрительной символикой его отпугивала. В совокупности это привело движение к кризису.

Между тем масштабное уголовное преследование реальных милитантных групп вело после 2008 года к стремительному падению уровня насилия³. В 2011—2013 годах ультраправые пытались выйти из положения, переходя от убийств в подворотнях к формам

² Подробнее я об этом писал в: Верховский А. Динамика насилия в русском национализме // Россия — не Украина: современные акценты национализма. М.: Центр «Сова», 2014. С. 32—61. URL: <https://www.sova-center.ru/files/books/ru14-text.pdf> (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «инострannого агента»).

³ Все необходимые графики, основанные на мониторинге Центра «Сова»*, можно найти в последнем годовом докладе по этой тематике: Юдина Н. Государство снова взялось за расистское насилие: Преступления ненависти и противодействие им в России в 2021 году // Центр «Сова». 2022. 31 января. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2022/01/d45715> (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «инострannого агента»).

менее brutального и обычно безопасного для них насилия (рейды по мигрантским общежитиям и т. д.), но и эта форма радикальных действий позже стала приходить в упадок. То ли сказывалось общее снижение активности в ультраправом секторе, то ли сильно отвлекли начавшиеся вскоре события в Украине⁴.

Война в Донбассе, казалось бы, давала с весны 2014 года редкий шанс реализовать тягу к насилию. Ее и реализовывали, причем по обе стороны линии фронта, но совсем не столь многие⁵. И с тех пор мы видим постоянный процесс дерадикализации в движении: уровень насилия почти равномерно снижается (хотя 2021 год был исключением), а немногочисленные реально радикальные группы правоохранители теперь успевают разгромить на ранних стадиях⁶.

Снижение активности коснулось, кстати, и тех националистических групп, которые полностью поддерживают политику Кремля и, тем самым, не могут списывать недостаток активности, в том числе радикальной, на репрессии, как это делают оппозиционные националисты. Мы видим, что такие группы, как НОД или SERB, заметные своим политическим хулиганством в 2014—2015 годах, потом снижали активность, особенно силовую, и последняя не возродилась после 24 февраля 2022 года. Впрочем, после этой даты мы вообще никакой радикальной активизации националистов любого толка не видим. А приток ультраправых на фронт в 2022 году оказался на порядок слабее, чем был в 2014—2015 годах⁷.

Пять факторов (де)радикализации

Упадок ультраправого движения — сложный феномен, который мы не можем здесь охватить, но и собственно дерадикализация в этом секторе, «славном» своими традициями насилия, нуждается в объяснении. Для этого просто попробуем рассмотреть основные факторы радикализации и как они сработали применительно к русским ультраправым 2000-х годов.

Первый фактор — специфическая идеология, придающая особое значение насилию. В данном случае она была представлена в полной мере. Идеи White Power, присущие и наци-скинхедам, и выросшим на их основе политическим движениям типа ДПНИ,

⁴ Процесс общего упадка тех лет я описывал в: Верховский А. Национал-радикалы от президентства Медведева до войны в Донбассе // Контрапункт. 2015. № 2. URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/verkhovsky_counterpoint2.pdf.

⁵ Yudina N. (2015) Russian Nationalists Fight Ukrainian War. *Journal on Baltic Security*. P. 47—61. URL: <https://web.archive.org/web/20150730024943/http://www.baltdefcol.org/files/files/journal/JOBS01.pdf>. На русском частично это можно прочесть в: Юдина Н. Ультраправые страсти по Украине // Центр «Сова». 2014. 15 сентября. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2014/09/d30505> (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранный агент»).

⁶ В качестве примера можно привести неудачную попытку воссоздать в начале 20-х годов ранее разгромленную сетевую структуру NS/WP: Арестованы подозреваемые в подготовке убийства Владимира Соловьева // Центр «Сова». 2022. 25 апреля. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2022/04/d46180> (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранный агент»).

⁷ Альперович В. Две кампании: антимигрантская и вторая украинская. Публичная активность ультраправых групп, зима-весна 2022 года // Центр «Сова». 01.07.2022. URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2022/07/d46545> (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции «иностранный агент»).

с самого начала отвергали многообразие и сложность националистических течений 1990-х годов в пользу белого расизма как простого и притом универсального ответа на все вопросы. White Power санкционировала «прямое действие», то есть насилие, и как политический инструмент подготовки «белой революции», и как практику личного самосовершенствования. Простота этих идей и низкий, до середины нулевых, риск попасть за решетку при нападениях на «инородцев» способствовали вовлечению в идеологизированное насилие множества людей. В начале нулевых эти идеи определенно набирали популярность, но как далее оценить динамику популярности White Power, определить очень сложно. Разрозненные наблюдения позволяют сказать, что сейчас эти идеи заметно менее популярны, чем десять или даже пять лет назад, но в какой момент их популярность стала спадать — до или после начала снижения уровня насилия, неизвестно.

Второй, очень часто обсуждаемый фактор — социально-экономический: сложные, ухудшившиеся или как-то еще резко меняющиеся социальные обстоятельства семей могут способствовать обращению молодых людей к радикальным методам. Умозрительно это кажется правдоподобным, хотя механизм влияния именно на молодых не так уж ясен. Но главное, этот фактор в данном случае, кажется, вообще ни при чем. Да, похоже, что многие из наци-скинхедов и последующих, уже не скинхедских по стилистике, боевых неонаци были выходцами из сравнительно бедных семей, но далеко не только из таких⁸. По крайней мере, действительно сильной корреляции с уровнем жизни родителей в этих группах молодежи никто не установил. И уж явно эта корреляция не могла бы оказаться выше, чем у аполитичных групп уличных хулиганов или в родственной субкультуре футбольных хулиганов. Незначимость этой корреляции особо видна в динамике: период после 1998 года характеризовался экономическим подъемом и ростом благосостояния населения, и именно эти годы стали временем бурного роста расистского насилия, а после кризиса 2008 года насилие, напротив, пошло на спад — и так и шло, несмотря на то, что кризис с тех пор сменился подъемом, а потом — опять кризисом. Иных резких перемен в социальной сфере, которые могли бы массово вызывать дезадаптацию молодых людей, все эти годы также не было.

Третий важный, но обычно упускаемый из виду фактор — общий уровень насилия в обществе, низовая культура насилия, в которой могут вырастать будущие участники радикальных групп. Здесь, конечно, надо признать, что уровень насилия в России очень высок. И когда мы говорим, что количество жестоких преступлений ненависти в конце нулевых годов было невероятно велико по сравнению даже с пиковыми значениями в прежние периоды в Европе, этот показатель стоит сперва нормировать на общий уровень насилия в стране. Но оценивать влияние и этого фактора лучше все же в динамике.

Наиболее достоверной по сравнению с другими категориями преступлений обычно считается статистика убийств. Количество убитых в России пережило с начала 1990-х годов два пика, естественно совпавшие с двумя чеченскими войнами, но далее шло быстрое снижение: примерно вдвое за каждые семь лет, от более 30 убитых на 100 тысяч насе-

⁸ Хороших количественных исследований, похоже, нет. Но, например, слабость такой корреляции в межрегиональном плане показана в: Myagkov M., Shchekotin E.V., Goiko V.L., Kashpur V.V., Aksenova E. A. (2019) The Socio-Economic and Demographic Factors of Online Activity among Right-Wing Radicals. *Studies of Transition States and Societies*. Vol. 11. No. 1. P. 19–38.

ления в 2002 году до менее пяти в 2020 году⁹. Центр «Сова»* ведет учет жертв преступлений ненависти (конечно, неточный и очень неполный, но нас сейчас интересует динамика, и ее по этим данным все же можно оценивать, так как методология их сбора мало менялась со временем) с 2004 года, так что мы не знаем данных по первой волне наци-скинхедского террора в самом начале 2000-х. Но с 2004 года мы видим резкий рост числа жертв; количество известных нам убитых выросло к 2008 году с 50 до 116, а потом начало почти так же быстро снижаться. И только с 2015 года, когда уровень расистского насилия уже серьезно упал и почти стабилизировался¹⁰, можно говорить, что и его отношение к интенсивности убийств в стране тоже стабилизировалось. То есть только когда волна неонацистского насилия была сбита, динамику этого насилия стало можно хотя бы примерно соотнести с динамикой насилия вообще, а до этого основными были явно другие факторы.

Четвертый фактор — наличие и доступность политической альтернативы радикальным методам. Сами радикалы любят ссылаться на этот фактор, но, конечно, не только они: авторитарный режим определенно ограничивает возможности политической активности, тем более для радикалов. Но и с этим фактором тоже все непросто. Первоначально, в 1990-е годы, White Power и уличное насилие противопоставлялись не запрету националистам на политику (да тогда и не было такого запрета, хотя какие-то препоны существовали), а прогрессирующей неуспешности политики «старых националистов». Да и в первой половине нулевых все было еще не так плохо с политическими возможностями: вспомним успехи старой партии «Родина» в 2003—2005 годах, а ДПНИ и дальше набирало обороты. По-настоящему ощущение безнадежности политического участия пришло к националистам, когда в 2007 году сверху был разрушен проект большой системной националистической партии «Великая Россия». Но после этого, заметим, насилие вовсе не выросло, а наоборот, начало снижаться.

И, наконец, пятый фактор радикализации — месть. Это фактор особого рода, связанный не с изменениями в обществе в целом, а с мотивами субъективного порядка, характерными для конкретной активистской среды. Месть может быть направлена как против властей, то есть в ответ на репрессии, так и против конкурирующих радикальных групп, с которыми происходят столкновения. Действие этого фактора было хорошо заметно, особенно в 2007—2009 годах, когда одновременно ужесточались столкновения с боевыми антифа (и в меньшей степени — с организованными группировками кавказской молодежи) и шли массовые аресты ультраправых боевиков, что привело к умножению теоретиков и практиков атак на «систему». Видимо, этот фактор стал главной причиной того, что в 2008 году на фоне начавшегося уже снижения общего уровня расистского насилия количество убийств заметно выросло. Именно в 2008—2009 годах, по данным Центра «Сова»*, отношение количества убитых к общему количеству потерпевших от преступлений ненависти было около 0,2 (и еще почему-то в 2014 году), а в другие годы — около 0,1 или даже ниже.

Есть еще интересный вопрос, оказывали ли радикализующее действие на ультраправых явные злоупотребления со стороны правоохранительных органов, включая примене-

⁹ ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31270>.

¹⁰ См. упомянутый доклад Н. Юдиной.

ние пыток. Радикальные националисты воспринимали себя находящимися на войне и не очень рассчитывали на процессуальную законность, но ведь и на войне есть правила, и их слишком явное попрание может радикализовать движение. Увы, у нас нет достаточно данных, чтобы хоть как-то проверить эту гипотезу.

Так или иначе, снижение уровня насилия влекло к снижению уровня преследования за него. Примерно с 2011 года на смену уголовным делам за насилие пришли дела за возбуждение ненависти и иные «экстремистские высказывания», в том числе часто, по крайней мере в первой половине 2010-х, — за призывы к насилию. Судя по многочисленным высказываниям русских националистов, уголовное преследование «за слова», даже если оно не приводило за решетку (а так обычно и было), воспринималось в их среде как чрезмерное. Но на общем фоне снижения насилия уже незаметна никакая радикализация из мести за эту чрезмерность.

Таким образом, если ограничиться этими краткими рассуждениями, мы можем предположить, что радикализация русского национализма со второй половины 1990-х и до примерно 2007 года подталкивалась в первую очередь, если не исключительно, ростом популярности ориентированной на насилие неонацистской идеологии, а последующая дерадикализация объясняется в основном успешной репрессивной политикой, хотя нельзя исключать, что какую-то роль сыграл упадок радикальной идеологии. И, вдобавок к этому, спад уровня идейно мотивированного насилия связан все же и с общим снижением насилия в обществе. А вот прочие факторы — как в радикализации, так и в дерадикализации — пока не кажутся значимыми.

МАРИАННА МУРАВЬЕВА

профессор российского права
Университета Хельсинки

РАДИКАЛЬНЫЙ ФЕМИНИЗМ И КОНФЛИКТЫ

Надо помнить, что феминизм — это идеологическое и политическое движение, имеющее достаточно длинную историю, уходящую корнями в XIX век. К концу XIX века феминистское движение формировалось вокруг суфражизма, то есть борьбы за право голоса для женщин. И уже к тому моменту выделились три направления движения: либеральное (часто называемое умеренным), радикальное и консервативное (еще его можно назвать «феминизм зеро»). Как любое политическое и идеологическое движение феминизм неоднородный, негомогенный, у него нет какой-либо единой платформы действий, кроме признания того, что основная цель — достижение равных прав и равных возможностей для реализации этих прав среди женщин и мужчин. На сегодня феминизм включает в себя и повестку дня, связанную с квир-правами, ЛГБТКИА+ сообществом, экологическими проблемами, постгуманизмом и пр.

Радикальный феминизм находится в критической оппозиции к другим формам феминизма, призывая к фундаментальному переустройству общества, основанного, по мнению радикалок, на мужском доминировании — патриархате, переустройству, которое должно привести к уничтожению данного доминирования во всех сферах и как явления. Радикализация относится ко второй волне феминизма, то есть к 1960-м годам, и связана прежде всего с более глубоким анализом угнетения женщин и признанием патриархата как универсального внеисторического феномена (особенно у [Герды Лернер](#)). Однако сама по себе радикализация меняется, в то время как повестка дня либерального феминизма остается прежней. То есть либеральный феминизм (я его еще называю «умеренный феминизм») константен в своих требованиях. Это феминизм, считающий, что, поскольку мы не можем изменить патриархат, значит, для того чтобы добиться равных прав женщин в разных сферах, права голоса и т. д., необходимо сотрудничать с теми, кто находится у власти, меняя патриархат изнутри, то есть надо сотрудничать с мужчинами, быть депутатками, добиваться позиций власти, влияния на принятие решений, чтобы продвигать женскую повестку дня (не всегда совпадающую с феминистской), направленную на гендерное равенство, равные права и т. д. Например, в постсоветской России, особенно в 1990-е годы, либеральный феминизм был платформой партии «Женщины России». Сегодня на основах либерального феминизма формируется большая часть международного законодательства и программ, связанных с гендерной повесткой дня.

Либеральный (умеренный) феминизм постоянно подвергается критике со стороны радикального феминизма. Радикальные феминистки полагают, что с патриархатом сделать ничего нельзя: что бы мы ни делали, в итоге все равно работаем на него. Невозможно добиться равных прав с мужчинами, так как изначально заданный патриархат все равно эти права нивелирует, мужчины все равно остаются у власти, какое гендерное равенство мы бы ни имели на бумаге. И поэтому, с точки зрения радикального феминизма, патриархат надо разрушить, а на его месте построить систему, которая будет решать женские проблемы, добьется равноправия и, через преодоление социальной несправедливости, освободит не только женщин от угнетения, но и мужчин от статуса угнетателей. На практике радикальный феминизм оказал огромное влияние на признание репродуктивных прав женщин, сделал сексуальное и домашнее насилие публичной проблемой, освободив его от частной сферы и заставив общество и законодателей думать о домашнем и сексуальном насилии как о государственной проблеме.

Как и любая революционная радикальная идеология, радикальный феминизм постоянно подвергается недоверию и критике. Это связано прежде всего с концептуализацией патриархата как универсального феномена, то есть с признанием универсальности женской угнетенности вне зависимости от пространственно-временных характеристик. А также, конечно, с главной целью радикального феминизма — уничтожением патриархата. То есть вместо сотрудничества — борьба, конфликт, который всегда воспринимается как негативное решение или нерешение вовсе.

Представители радикального направления видят феминизм как идеологию конфликта, как классическую теорию конфликта. Она берет свое начало от марксизма, от идей, связанных с внутренними конфликтами между мужчинами и женщинами (вместо классового конфликта), и с понятием угнетения. Ничего хорошего из этого конфликта не выйдет до тех пор, пока не будет найдено его радикальное разрешение. Поэтому, когда радикальные феминистки двигают свою повестку, она нередко воспринимается как попытка женщин победить или отрицать мужчин, всем стать лесбиянками, поскольку можно и нужно обходиться без мужчин, и так далее.

Все эти идеи действительно присутствовали в радикальном феминизме. В 1970-е годы, чтобы избежать сексуального насилия со стороны мужчин, агрессии, харассмента, женщины жили женскими общинами (независимо от сексуальной ориентации). Считалось, что это безопасно, в женском коллективе их никто не будет сексуально преследовать. В центре внимания находилась идея солидарности: поскольку жизненный опыт у нас у всех негативный, мы будем помогать друг другу. К сожалению, эта идеология не реализовала себя, как и любой идеал. Но идеи женской солидарности сильны и сегодня среди старшего поколения феминисток, феминисток второй волны, среди женщин, которые активно боролись за свои права в рамках как радикального, так и либерального феминизма.

В 1960—1970-е годы началась вторая волна феминизма, радикальный феминизм был направлен на критику либерального, умеренного феминизма. К 1990-м к радикализму добавился поколенный конфликт, то есть критика молодыми феминистками старшего поколения, что демонстрирует сформированность идеологии и движения. Однако у части молодых феминисток, особенно в 2010-х годах, понимание радикализация совсем другое: радикализация не в том, чтобы победить патриархат или избежать

патриархата, строить женское для женщин, а в том, как и за что критиковать старшее поколение феминисток. Эта критика выливается в то, что раньше считалось неприемлемым, например, в призывы к поляризации, к отрицанию идеологии солидарности, центральной для феминизма первой и второй волны. Их радикализм заключается не в том, как выстраивать идеологию, а в том, чтобы критиковать и отрицать идеи феминизма, сформировавшиеся в первом или втором поколении. Мне эта тенденция кажется довольно опасной в современной ситуации, хотя в целом нормально для следующих поколений критиковать предыдущие. Но сейчас мы наблюдаем отрицание фундаментальных консенсусных концепций, родившихся в тяжелой борьбе. Концепция солидарности и взаимопомощи, пацифизм очень важны для женского и феминистского движения. Но в результате отрицания выходит так, что вы можете предложить вместо мирного движения — войну. Феминизм может быть за войну. Феминистки больше не обязаны быть солидарными. То есть критический потенциал радикального феминизма используется для дальнейшей дефрагментации феминисткой повестки дня.

С другой стороны, молодое поколение феминисток чаще воспринимает радикальную повестку как нужную, особенно ее части, связанные с сексуальным и домашним насилием (феминистский анализ которого возможен только в рамках патриархата и отношений власти и угнетения), с отрицанием биологического эссенциализма, борьбой за репродуктивные права, с включением в феминистский дискурс квир-повестки. В России, в частности, это очень заметно: публичностью дискурса о домашнем и сексуальном насилии мы обязаны молодому поколению радикальных феминисток.

Радикализация и индоктринация

Радикализация сама по себе рождается в рамках политического дискурса как реакция неолиберальной, либеральной, консервативной политики на определенные типы и виды политических движений, они критикуют истеблишмент и основные политические движения. Радикализация наступает тогда, когда происходит отрицание истеблишмента, начинается критика, призывы к свержению, и так далее и тому подобное. Поэтому естественно, что у радикализации как таковой нет позитивной коннотации. Когда-то была, но ушла, превратившись в негативную, особенно в связи с радикализацией ислама, с борьбой с терроризмом в последние 20—30 лет.

Изменилось понятие радикализации и в феминизме, сегодня оно связано не с содержанием радикального феминизма (давайте победим патриархат!), как раньше, а с критикой идей, которые присутствовали в феминизме и признавались общими для феминисток разных направлений. Здесь индоктринация может осуществляться только в том, чтобы критиковать феминисток старшего поколения (они ведь ничего не понимают в феминизме и всех уже напрягают лозунгами за мир, за солидарность и т. п., а мы, молодые продвинутые феминистки, которые только что поняли, что такое феминизм, расскажем правду о нем).

Еще одна сложность — феминизм кажется позитивной, абсолютно поддерживаемой политическим истеблишментом идеологией в международных организациях и стра-

нах ЕС. Часто приводят пример Швеции, не упоминая, однако, что феминистская партия (партия [Феминистская инициатива](#)) смогла войти в парламент только в 2014 году (в результате длительной и активной кампании с 2005 года), получив 3 % голосов. При этом забывается, что их популярность быстро снизилась и уже в 2018 году они набрали меньше 0,5 %. Частично потерей популярности они были обязаны своей радикальной повестке: закону о секс-работе, по которому ответственность переносилась на клиентов, и закону об отпуске по уходу за ребенком, по которому оба родителя обязаны брать такой отпуск.

Получается, феминизм никогда не был позитивной и принимаемой идеологией (при слове феминизм большая часть населения вздрагивает). Если вы спросите миллион женщин, миллион женщин вам скажет: «Нет, я не феминистка, но я за равные права». Феминизм не представляет собой идеологии, которая бы считалась приемлемой или интересной, нужной для достижения каких-то политических целей. И она не может таковой быть при патриархате. Женщины, идентифицирующие себя как феминистки, выбирают очень трудный путь. Понятно, что есть люди, которые могут использовать феминизм как модную идеологию, но обычно следование этой моде приводит к колоссальным последствиям для женщин, вступивших на этот путь. Как вы будете индоктринировать этих молодых женщин? Рассказывать им, что жизнь у них сложится не очень-то хорошо, потому что феминизм до сих пор скорее красная тряпка для быка, нежели какая-то позитивная идеология?

Проблема заключается в том, что, поскольку у феминизма нет позитивного статуса и нет истеблишмента, то есть статуса, который ставил бы его в один ряд с другими политическими движениями, то феминизм всегда оказывается в ситуации критики. Не важно, либеральный ли, радикальный ли — так как это про женщин, любые, особенно негативные явления, конфликты не будут восприниматься позитивно. Что, в свою очередь, и приводит к радикализации.

Радикализация и конфликтная коммуникация

Требуется колоссальная сила воли, чтобы нести феминистский месседж, чтобы вас услышали. Феминизм — идеология конфликта, и мы, те из нас, кто принимает участие в этой коммуникации, помним, что первая реакция на нашу повестку дня, на наши месседжи всегда негативная, не позитивная. Очень трудно в этой ситуации не сдаться. Никому не интересно находиться в состоянии постоянного конфликта и испытывать перманентные негативные эмоции. Но идеология феминизма сама по себе критическая, она не может быть некритической. Как только мы начнем разговаривать иначе (вот, посмотрите, как у нас все хорошо, а это у нас вообще замечательно, и права равные у нас есть, и наконец-то мы всего добились), пропадает нужда в феминизме.

Если обратиться к историческим примерам, у радикалов всегда были проблемы в коммуникации с нерадикалами. Особенность радикальной идеологии заключается в том, что вы не можете находиться в радикализме без конфликта или без того, чтобы конфликтовать с истеблишментом, неважно, в каком политическом, идеологическом движении находитесь.

Это верно и в отношении феминизма. Но обратите внимание, мы говорим о феминистской идеологии, а она всегда про женщин, которые — ну это очевидно же! — не должны быть агрессивны. Агрессия как тип радикализации приемлема в любой другой политической идеологии; если мужчины агрессивны, считается, что они молодцы, они отстаивают свою идею, не отступают, пока не пробьют свою повестку дня. Но если женщины ведут себя агрессивно, кричат, если они ругаются, агрессивно промотируют свою повестку, что является частью радикализма, то они воспринимаются негативнее, нежели любые другие радикальные группы. И это, конечно, мешает конструктивной коммуникации.

Более того, сами женщины тоже так это воспринимают, поскольку наш подход к женскому сформирован в рамках патриархата, мы имеем те же самые представления о том, что является позитивным/негативным в женском поведении. В какой-то момент считалось, что женщины более миролюбивы, чем мужчины, мужчины начинают войны, а женщины никогда бы никого не послали убивать, ведь они рожают детей, они не хотят посылать их на войну. Поэтому женщины по определению мирные, а мужчины по определению воинственны. Такой вот дарвинизм, облаченный в логическую интерпретацию. Так что женщины просто обязаны быть дипломатичными, миролюбивыми, избегать конфликтов. Если они агрессивные, они принимают на себя мужские качества.

Во второй волне феминизма много умеренных феминисток как раз призывали радикальных феминисток отказаться от агрессии и просто сесть, поговорить (мы же все можем обсудить спокойно, мы же можем все наши проблемы решить посредством конструктивного диалога). В итоге сформировался слой женщин, которые потом пошли в политику, пытались быть «настоящими типичными женщинами», но при этом быть феминистками (в том смысле, что они за равноправие, за достижение равных прав и возможностей), то есть быть неконфликтными, приветливыми, брать на себя функцию посредничества, таким образом продвигая феминистскую повестку дня, считая, что агрессией или неприветливостью мало чего добьешься и, наоборот, только настроишь против себя остальных. От них разительно отличаются радикалки, которые до сих пор ведут себя агрессивно, все время критикуют, кричат, постоянно вызывают кого-то на дебаты. Но мы забываем, что все то же самое делают мужчины, мы думаем про этих мужчин позитивно (мол, они молодцы, они отстаивают свое). А женщины не молодцы... Если вы женщины и хотите отстаивать свое — отстаивайте тихо, ведите себя прилично, улыбайтесь. Но при этом совершенно непонятно, как тогда достигать своей повестки? Поэтому такая коммуникация трудная. И трудности эти видны как в вербальной, так и в письменной (особенно цифровой, онлайн) коммуникации (см. довольно интересный [материал](#) о «феминистском огне и гневе»).

В 1960—1980-е годы в европейском и британском феминизме довольно активно обсуждалась (и обсуждается до сих пор) феминистская теория коммуникации, задача которой — избежать угнетения женщин с помощью разных видов и средств коммуникации, включая позитивное отношение к вербальному и письменному конфликту. В какой-то момент в научной и академической среде, в среде феминистских групп считалось, что от конфликта не надо отказываться, не надо стараться его обходить, что он — такая же легитимная форма коммуникации, как и конструктивный диалог без конфликта. Такое отношение к конфликту как к способу коммуникации внесло свою лепту в развитие

радикального феминизма, повлияв на, например, британский феминизм в 1990-е годы. Разные группы постоянно друг с другом вступали в конфликтующие, критические диалоги, но результатом этих диалогов были позитивные реформы. Много политик в Британии, особенно в отношении форм поддержки и защиты переживших домашнее насилие, которые работают сейчас, сформировались в результате бурной конфликтной коммуникации. Конфликт может быть позитивным способом коммуникации, отказываться от него нельзя. Но в связи с тем, что женщина и конфликт в архетипическом, стереотипном понимании несовместимы, как только женщина вступает в конфликт, это воспринимается максимально негативно. Поэтому большая часть женщин даже в рамках феминистского движения старается избегать конфликтов, что порождает так называемую пассивную агрессию — агрессивную форму коммуникации, которая может быть даже гораздо хуже, чем открытый конфликт или открытая критика.

О Коммуникационный разрыв после 24 февраля 2022 года

Показательна ситуация в связи с СВО. Вместо того чтобы объединиться и постараться начать совместное движение (я сейчас говорю не только про феминистское движение в России и в Украине, но и про феминисток Европы), феминистки поляризовались. Для меня это было очень неожиданным. Мне казалось, что потенциал второй волны феминизма, связанный с солидарностью и с мирным движением, должен сыграть решающую роль. Право быть феминистками заработано очень тяжело, казалось, мы должны хорошо понимать, что нас объединяет как феминисток. Одна из фундаментальных феминистских тем — это мир, феминистское мирное движение. Но все пошло не так...

[Джудит Батлер](#) — икона третьей волны феминизма, оказавшая колоссальное влияние на развитие гендерных исследований и квир-теории, включая постсоветское пространство. Когда по инициативе Джудит Батлер и Ирины Жеребкиной был организован круглый стол [«Transforming Solidarities»](#), я деликатно спросила, по ошибке ли российские феминистки не приглашены к разговору? И мне ответили: «Нет, не приглашаем. Российских феминисток вообще это не касается, потому что вот Россия напала, у всех коллективная ответственность. Феминистки точно так же несут ответственность за это, как все остальные люди». Ок... Но мне было интересно послушать, как строился диалог. Многие из феминисток, которые там присутствовали, украинки, говорили о себе как о радикальных феминистках. Их радикализм репрезентировал фрагментарность феминизма, собственную травму и отказ от предложений солидарности и диалога с любыми российскими феминистками ввиду невозможности общения с «агрессором», частью которого является российский феминизм — в их интерпретации. То есть они просто ушли в состояние войны: не нужно нам никакой солидарности, это ваше мирное движение оставьте при себе, так как нас бомбят, а кто-то там сидит в уютных кабинетах в своих Америках и Европах и теоретизирует о том, что российская армия должна сложить оружие. Джудит Батлер подверглась серьезной критике и даже нападкам, это выглядело, как некое восстание против истеблишмента: молодые украинские феминистки отказали Батлер в возможности понимания происходящего в регионе, так как война не есть часть ее личного опыта, и отвергли любые попытки теоретизации решения конфликта.

Для меня это был очень странный момент, я все время думала, пока шла эта довольно агрессивная коммуникация (к которой мы в постсоветском пространстве в принципе привыкли, но которая немного испугала европейских феминисток, присоединившихся к круглому столу), о женщинах Палестины и Израиля, о феминистских женских организациях этих стран, которым, несмотря на тяжелую ситуацию, удалось наладить диалог и сохранить солидарность, помогающую им справляться с последствиями очень затяжного конфликта. Израиль постоянно ведет боевые действия в Палестине; у жителей Палестины довольно трудное правовое и экономическое положение, им трудно куда-нибудь выехать и пр. Вот этот сюжет солидарности между палестинскими и израильскими женщинами никто почему-то не привел в пример. Когда этот диалог разворачивался, мне хотелось написать, почему же вы говорите, что солидарность невозможна?! Вот она, она возможна. Но сегодня очевидный ответ на такие вопросы один — это совсем другое! Израиль и Палестина — это вам не Россия с Украиной, у нас все иначе. То есть фрагментация опыта и фокусирование на пережитом ведет к отказу в возможности использования опыта других.

Поскольку мы живем внутри современной ситуации конфликта, эти реакции довольно хорошо показывают особенности региона. Они заключаются в том, что наш феминизм носит колониальный характер. Он колониальный еще и в том смысле, что наши коллеги в академии, которые не принадлежат к гендерным и/или феминистским исследованиям и которые помнят, как пришли гендерные и феминистские исследования в Россию в 1990-х годах, постоянно думают, что ГИС — это какие-то привилегированные виды науки, ведь они начинались на западные деньги и развивали концепции, которые являлись «западными».

Российским феминистским и гендерным исследователям не удалось создать ситуацию, в которой они стали бы органичной и признанной частью академии. Диалоги, ведущиеся сегодня, вместо того чтобы создавать солидарность, следовать общим принципам (политическим и идеологическим) феминизма, напротив, разобщают. Феминистки и радикалки разделились по принципу поддержки своего патриархата и своей войны, вместо того чтобы начать критиковать патриархат и видеть причину в этой самой войне. Ведь причина как раз в том, что патриархат ведет колониальные, империалистические войны, и так далее. Отсутствие потенциала превалирования критического над национальным мышлением в современной ситуации создает поляризацию, которая еще хуже, чем обычная поляризация, имевшая место ранее. К ней добавилась стратегия исключения и ухода от коммуникации: вместо любого вида феминистской коммуникации (включая конфликт) создается ситуация, в которой все пытаются развести украинских и российских феминисток (ученых и пр.), чтобы не создавать украинским феминисткам дополнительную травму. Но в этом и проблема: любая коммуникация в настоящей ситуации лучше исключения и отсутствия разговора.

Надеюсь, мы все равно переборем желание поляризоваться в пользу солидарности. Но эта стратегия пока отвергается, а вместе с ней отвергается и возможность диалога между феминистками, который мог бы быть диалогом, способствующим хотя бы какому-то миру. Я очень разочарована. Понятно, что эта коммуникация была бы травмирующей, поэтому никто не захотел ввязываться в ситуацию негативной коммуникации

травмы. И вот мы имеем поляризацию, очевидно связанную с негативными, а не с позитивными последствиями.

При этом понимаю, что если феминистки не станут разговаривать друг с другом, колоссального влияния на политику это не окажет, но, если женщины не будут друг с другом разговаривать, это приведет к большой проблеме. И если посмотреть внимательно на то, как развивается ситуация, мы увидим много общения между разными женщинами — из разных поколений, разных сфер. Более того, на индивидуальном уровне вокруг сложившихся сообществ существует коммуникация между российскими и украинскими феминистками. Ольге Шныровой, например, удалось провести свою очередную [летнюю школу](#) по гендерным исследованиям в Молдове с участием и тех и других. Это общение часто конфликтное, но это тот самый момент, когда из конфликтного общения должно родиться позитивное. Потому что до тех пор, пока они коммуницируют любым способом, остается надежда на победу над патриархатом.

**ВИЛЕЙКИС
АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ**

продюсер книжных изданий ВЦИОМ,
директор образовательного проекта
центра современной культуры «Целинный»,
профессор практики Центра урбанистики AlmaU

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ: НАСИЛИЕ РАДИ ОБЩЕГО БЛАГА?

Экология — опиум XXI века. С этой популярной и наполовину мистифицированной цитаты Славоя Жижека начинаются многие дискуссии об экологическом активизме, радикализме. Сегодня вопросы чистой энергии становятся более политическими, чем раньше. Например, если бы европейские страны развивали атомную энергетику, от которой они постепенно отказывались под нажимом «зеленых» на фоне двух глобальных катастроф — Чернобыля и Фукусимы, то они не были бы зависимы от российских газа и нефти. С другой стороны, состояние окружающей среды делит планету на два лагеря: страны, где мусор сортируют, и те, в которых такой практики нет. Сложно говорить о природе, исключая вопросы экономики, политики и радикализма, потому что ради чистоты среды в какой-то момент люди начинают выходить на улицы, даже совершать преступления.

Первые акты экологически мотивированного терроризма принято относить ко второй половине 1970-х, тогда активисты разрезали сети промысловых рыболовецких кораблей. Это считалось преступлением, и ФБР запугивало американцев тем, что скоро «зеленые» начнут убивать людей ради спасения животных. Американское большинство, как показывают опросы того времени, воспринимало экологических радикалов как преступников либо в лучшем случае — просто общественно опасных элементов¹.

Переломный момент наступил в 1990-е годы, когда отношение к эко-ориентированному насилию стало меняться. Причин подобного сдвига множество: развитие медицинских исследований, доказывающих связь между опасными отходами и заболеванием раком; популяризация исследований, подтверждающих глобальное изменение климата; последствия Чернобыльской аварии, демонстрирующие непоправимость человеческого влияния на окружающую среду; зарождение в массовом сознании идей возобновляемой энергии и осознанного потребления. Ценностные изменения стала отражать массовая культура, где экологические радикалы в той или иной степени выступают

¹ Pak C. (2016). Ecology and Environmental Awareness in 1960s–1970s Terraforming Stories. *Terraforming: Ecopolitical Transformations and Environmentalism in Science Fiction*, 98–102.

в качестве протагонистов: например, популярная настольно-ролевая игра «Werewolf the Apocalypse» или серия фильмов «Освободите Вилли».

В 1989 году появились первые «экологические беженцы», точнее, произошла фиксация данного термина. Люди и ранее бежали от загрязнения, от низкого качества окружающей среды, но к 1990-м масштабы явления оказались настолько обширными, что ООН стала выделять отдельную категорию — «экологические беженцы». Речь идет в первую очередь о жителях стран глобального Юга, где люди утрачивают доступ к чистому воздуху, воде, пище. Кажется, что подобное явление происходит где-то далеко, в вырубаемых тропических лесах Амазонии или Бангладеш, где отходы от промышленных производств практически уничтожили биоразнообразие водоемов, но подобные проблемы наблюдаются и на постсоветском пространстве. Например, Бишкек — один из мировых лидеров антирейтинга по степени загрязнения воздуха в мире. Город погружается в смог, население закрывает окна и на постоянной основе использует маски. Несмотря на обширное количество исследований и проектов местных активистов, которые могли бы улучшить качество атмосферы, ситуация остается прежней, потому что производство дешевой электроэнергии и работа нескольких заводов — экономические факторы, оставляющие город доступным для жизни с финансовой точки зрения.

Случай Бишкека интересен тем, что защита права на чистый воздух строится через низовые, гражданские, горизонтальные инициативы. Активисты последовательно сопротивляются, включая в протест арт-среду, малый бизнес, домовые чаты и локальные сообщества.

На сегодня ценностный сдвиг практически завершился, особенно в Европе и Северной Америке: большинство корпораций придерживаются проэкологической повестки, по крайней мере публично, художественные произведения массовой культуры героизируют действия борцов за сохранение окружающей среды, компании по производству косметики и медикаментов публично отказываются от опытов над животными, создаются центры по вторичному использованию и переработке отходов. Представители экологически радикальных движений, которые в 1970-е казались преступниками, сейчас скорее выступают в качестве героев.

Например «Earth First!», популяризовавшие идею следования принципам глубинной экологии (вся природа имеет столько же прав на жизнь, сколько и сам человек). Одна из самых успешных акций «Earth First!» состоялась летом 1990 года, когда десятки активистов приковали себя к деревьям в лесах, предотвратив их вырубку. В случае подобных радикальных проектов грань между активизмом и терроризмом становится достаточно зыбкой: от «Earth First!» откололась «Earth Liberation Front», признанная впоследствии экотеррористической организацией.

Более того, за 2010-е годы произошло несколько случаев уличной стрельбы, когда стрелок оправдывал собственные действия «заботой о природе». Также было совершено множество нападений на биологические лаборатории с целью освобождения подопытных животных, атак на китобойные суда и нефтедобывающие платформы.

Иногда борьба за «зеленые» технологии обретает и неожиданную политическую окраску. Так, группа шведских активистов потребовала расследовать связи Греты

Тунберг с российской НПО, финансируемой непосредственно из бюджета МИД России. Финансирование деятельности Греты якобы шло в 2019—2021 годах. Сама Грета в 2019 году попала в список 100 самых влиятельных людей мира по версии журнала Time, была признана этим же журналом «человеком года». По версии Forbes, она попадала в список 100 самых влиятельных женщин мира. При этом в конце 2021 года Тунберг призналась, что с приходом популярности [ее жизнь изменилась](#). В частности, она стала получать угрозы.

Почему «забота о планете» остается радикальной?

Когда мы говорим о причинах экологического радикализма, первое, что следует определить, — место действия и позицию говорящего.

Есть большая разница между «ecological terrorism» и «environmental terrorism». Первый — борьба «зеленых» за качество окружающей среды; второй — противоположный, ситуация умышленного загрязнения природы, к которому можно отнести применение химического, бактериологического оружия в военных конфликтах, игнорирование лесных пожаров или иных стихийных бедствий, незаконную вырубку лесов. На уровне международных договоров экоцид, как в российском контексте называется «environmental terrorism», до сих пор не признается преступлением.

Глобальное изменение климата — угроза тотального характера, которая поставит под сомнение возможность существования человечества, как минимум в некоторых регионах. После Холокоста и Второй мировой войны логика «никогда больше» стала ценностной основой для теории малых дел. Последняя выступает в качестве постоянного мотиватора к действию, так как, воздерживаясь, человек передает собственную агентность иным силам, тем самым лишая себя статуса «хорошего» гражданина и потенциально допуская повторение ужасных событий. Экологическая угроза, глобальное изменение климата — большая опасность, которая касается всех и каждого. Если ничего не предпринимать, станет слишком поздно. Именно такая повестка вышла из республиканской теории в массовые медиа и широкую общественность.

Проблема с изменением климата заключается в том, что мысленный таймер, точка отсчета, после которой катастрофа станет неминуемой, ставится крайне близко к текущему моменту. В начале XXI века время необратимых изменений было принято относить к началу XXII столетия. Сейчас эта дата — скорее 2040—2050-е годы, переставшие восприниматься отдаленным будущим, это перспектива одного поколения. С последствиями климатических изменений столкнутся даже не дети, а большинство современных жителей Земли.

Данные факторы вместе создают чувство, которое в психологии называется *gunning atok*. Философ Франко «Бифо» Берарди² описывает подобное состояние как невозможность решить экзистенциальную проблему, когда насилие, зачастую самоубийственное, становится единственным возможным выходом, чтобы попросту не сойти с ума. Подобные причины подталкивали рабов в американских колониях к нападению

² Берарди Ф. (2016). Новые герои: массовые убийцы и самоубийцы. М.: Кучково поле.

на охранников — с целью погибнуть, чтобы не продолжать жить. Простое самоубийство переставало быть выходом, так как подкупленные колониальными властями шаманы убеждали рабов в том, что после суицида они превратятся в зомби, которые будут вечно работать на этих плантациях.

Подобное испытывает загнанный в тиски моральной ответственности человек, для которого насилие становится естественной реакцией на происходящее.

Другие причины двигают непосредственными жертвами глобального изменения климата. Речь идет о жителях индустриально развивающихся стран, для которых адекватные экологические стандарты экономически невозможны, иначе товары начнут стоить слишком много, перестанут быть рентабельными, из-за чего экономика целых регионов начнет приходить в упадок. По большей части ровно эти государства ответственны за изменение климата, но изменить ситуацию пока крайне сложно — мир находится в институциональной ловушке. Население едва ли задумывается о проблемах климата, просто потому что вопрос выживания здесь и сейчас встает на первое место.

Подобное разделение, где с одной стороны существуют экологически развитые регионы, а с другой — части света, не имеющие права на чистый воздух и воду, приводит не к институциональному решению проблемы (которым было бы ответственное потребление со стороны развитого мира и разнообразные способы адекватной поддержки развивающихся индустрий, с сохранением рабочих мест и введением экологических стандартов), но к перекладыванию коллективной вины на жителей экономически развивающихся стран. Встречаются националистически ориентированная риторика лидеров мнений, а иногда — террористические акты, как, например, уличный шутинг, направленные на представителей этносов глобального Юга, обоснованные как раз обвинениями в порче планеты. Производители мусора, выбросов становятся виноватыми, потому что не имеют возможности заработать иным образом.

Неравенство, обусловленное экологическими мотивами, может проследиваться не на уровне разных государств, но в пределах одного. Когда добывающие компании, чтобы показать собственную экологическую ответственность, поддерживают проэкологические инициативы в области искусства в столицах, параллельно игнорируя загрязнение в регионах добычи.

Причины экологического терроризма лежат в области экономического неравенства, но, как и остальные проблемы схожего характера, в модели современного капитализма решения не имеют.

ПОДБОРКА ДАННЫХ ВЦИОМ «РАДИКАЛИЗАЦИЯ. ПОЛЯРИЗАЦИЯ МНЕНИЙ И РАЗРЫВЫ В КОММУНИКАЦИИ»

СКАЧАТЬ

БОЛЬШЕ ДАННЫХ В ОТКРЫТЫХ БАЗАХ НА САЙТЕ ВЦИОМ

[«Спутник»](#) (с января 2017 г. по настоящее время)

[«Архивариус»](#) (с 1992 г. по настоящее время)

САЙТ СОЦИОДИГГЕРА. ВСЕ ВЫПУСКИ

SOCIODIGGER.RU

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ

Анна Кулешова
главный редактор
и редактор по работе с авторами

Наталья Седова
проектный редактор
и редактор по работе с авторами

Александр Вилейкис
продюсер

Яна Гудкова
формирование тематической
подборки данных ВЦИОМ

Анна Кокарева
редактор, корректор

Ирина Упадышева
редактор, корректор

Александр Дмитриев
иллюстрации

Антон Соляев
верстка

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

wciom.ru

monitoringjournal.ru

[@WCIOMofficial](https://t.me/WCIOMofficial)

[@wciom](https://twitter.com/wciom)

[@wciompage](https://vk.com/wciompage)

[@wciom](https://www.youtube.com/wciom)

[Я.Дзен ВЦИОМ](https://yandex.ru/dzen/wciom)

[Подкасты ВЦИОМ](#)